

Своеобразие сербского литературного языка в западных районах Республики Сербской

Д. Црняк

Банялукский университет (Баня-Лука, Босния и Герцеговина);
dijana.crnjak@flf.unibl.org; ORCID 0009-0003-9097-6815

Е. И. Якушкина

Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова
(Москва, Россия); jkatia@yandex.ru; ORCID 0000-0002-0052-1338

Аннотация. Целью исследования является идентификация, дескрипция и анализ особенностей сербского литературного языка в западных областях его функционирования, в частности, на западе Республики Сербской. В статье анализируются расшифрованные записи спонтанной устной речи и материалы письменного анкетирования образованных носителей сербского литературного языка в указанном регионе. Путем сопоставления с чертами центральносербской (белградской) нормы в качестве характерных выделены такие особенности, как фонетическая редукция, соблюдение просодической нормы, некоторые особенности формообразования, широкое использование инфинитива, региональные лексемы. Сделан вывод о том, что язык западных областей Республики Сербской более архаичен, чем язык Сербии, и характеризуется чертами западносербских говоров.

Ключевые слова: сербский литературный язык, Республика Сербская, вариативность языковой нормы, редукция, просодия, инфинитив, регионализм.

Благодарности. Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 23-28-00126, <https://rscf.ru/project/23-28-00126/>.

Specific features of Standard Serbian in the Republic of Srpska

Dijana Crnjak

University of Banja Luka (Banja Luka, Republic of Srpska, Bosnia and Herzegovina);
dijana.crnjak@flf.unibl.org; ORCID 0009-0003-9097-6815

Ekaterina I. Yakushkina

Lomonosov Moscow State University (Moscow, Russia); jkatia@yandex.ru;
ORCID 0000-0002-0052-1338

Abstract. The aim of the study is to describe and analyse the characteristic features of the Standard Serbian variety spoken in the west of the Republic of Srpska. Under analysis are records of spontaneous speech by educated speakers of Standard Serbian who have previously lived or currently live in Banja Luka, as well as lexical questionnaires filled out by educated residents of different towns of the Republic of Srpska. Aside from the “iekavian” orthoepic norm setting it apart from the Serbian spoken in Serbia, the Standard Serbian of the Republic of Srpska has other specific features, both at the normative and at the substandard level. The western Serbian regions of the country preserve the older prosodic norm to a higher degree than Serbia, including the four types of stress, post-stress long vowels and stress shifting to the proclitic (preposition). At the same time, under dialectal influence, vowel reduction is becoming widespread in the speech of educated Serbian speakers. At the morphological level, the local idiom retains formation of collective numerals with the suffix *-ero* as well as some features of nominal declension. The syntax is characterized by a wider use of the infinitive in comparison to the *da*-construction that predominates in the eastern Serbian language area and by a complete absence of the *da*-construction in the future tense. At the lexical level, a number of regional lexemes are officially recognized as Standard Serbian. Given that the frequency of common standard Serbian lexis in speech in the area is about the same as that of regionalisms, the standard Serbian of the Republic of Srpska may be characterised as an idiom with lexical duality. Regionalisms are more frequent in the western regions of the Republic of Srpska compared to the eastern areas of the country. The general conclusion is that the Standard Serbian of the Western Serbian areas shows more archaic features compared to the Balkanised version used in Serbia.

Keywords: Standard Serbian, Republic of Srpska, variability of language norms, reduction, prosody, infinitive, regionalism.

Acknowledgments. The study was funded by the Russian Science Foundation, project No. 23-28-00126, <https://rscf.ru/project/23-28-00126/>

1. Введение

Сербский литературный язык (далее СЛЯ) сложился в середине XIX в. на основе восточногерцеговинских и шумадийско-воеводинских говоров, относящихся к новоштокавской группе штокавского диалекта. На восточногерцеговинской основе СЛЯ был кодифицирован В. Караджичем в «Сербском словаре» 1818 г., сопровождавшемся грамматическим описанием, и получил развитие в текстах этого автора в 1820–1860-е гг. Интенсивное влияние шумадийско-воеводинских говоров на формирование СЛЯ происходило в творчестве писателей 1860–70-х гг. — Дж. Якшича, Й. Йовановича Змая, Л. Костица и др. Двойственность диалектных баз изначально определила вариативность внутри СЛЯ (то есть литературного языка сербов на всей территории их проживания), для которого как в период его становления, так и в наше время характерно параллельное функционирование двух орфоэпических норм, связанных с произношением слов с рефлексом «ять»: «экавская» в Сербии и «иекавская» в Боснии и Герцеговине¹, Черногории и Хорватии. Наряду с разнородностью диалектной базы причина вариативности нормы заключается в разделенности сербской языковой территории (то есть территории проживания сербов) на регионы с разной культурно-исторической традицией, подвергавшиеся различным культурно-языковым влияниям и входившие в состав различных государств (в прошлом в Австро-Венгерскую империю и в Сербию, а в наше время в несколько независимых государств). Кроме этих двух факторов,

¹ Босния и Герцеговина — государство, включающее Федерацию Боснии и Герцеговины с преимущественно мусульманским и хорватским населением и Республику Сербскую с преобладающим сербским населением.

на вариативность внутри СЛЯ повлияла его открытость диалектному влиянию, несмотря на стандартизацию, кодификацию и нормативность. В устной (реже в письменной) речевой практике на сербской языковой территории существует постоянное взаимодействие между литературным сербским языком и лежащими в его основе диалектами: сербский язык заимствует «новые элементы и новые возможности развития из диалектной почвы, на которой он существует» [Симић, Јовановић 2002: 246], и эти элементы проникают в «ядро повседневногo языка, или разговорного стиля» [Симић, Јовановић 2002: 246], причем даже в (самую) грамотную устную и неофициальную письменную речь. Указанные факторы обусловили то, что в большинстве случаев у вариативных элементов / фрагментов структуры и единиц сербского языка имеются региональные характеристики, то есть вариативность носит территориальный, географический характер.

Кроме названного выше различия орфоэпической нормы, у СЛЯ на территории Республики Сербской (далее — РС)² существуют и другие особенности, выявляемые путем сопоставления с речевым узусом Сербии и связанные с неоднородностью диалектной базы СЛЯ. В сербской лингвистике до сих пор не предпринималось комплексного описания этих особенностей. Меньшая их часть (более широкое употребление инфинитива, некоторые морфологические черты и региональные лексемы) характерна для СЛЯ во всех его стилистических разновидностях, а бóльшая (разнообразные фонетические характеристики диалектного происхождения) — только для устного неформального общения. Поэтому своеобразие речи носителей СЛЯ в РС, которое является предметом данного исследования, определяется соответствующими норме (стандартными) и не соответствующими норме (субстандартными) характеристиками.

Проблема нормирования СЛЯ в целом и СЛЯ в РС в частности чрезвычайно актуальна для сербской лингвистики с момента распада сербскохорватского единства и выделения из него нескольких

² В соответствии с законом на территории РС в качестве административных языков (серб. *службени језици*) используются «язык сербского народа», «язык бошняцкого народа» и «язык хорватского народа» (Конституция РС, статья 7).

литературных языков и по сей день. С одной стороны, сербскими лингвистами высказываются мнения о желательности унификации нормы: «⟨...⟩ стечением обстоятельств столкновение тысячелетий сербы встречают с раздвоенным стандартным языком. Они в Европе, наряду с норвежцами, единственный народ, стандартный идиом которого характеризуется несогласованностью, двойственностью, которая совсем нежелательна и которой не должно быть» [Реметич 2000: 213], «после распада общего языка то, что сейчас называется сербским литературным языком, оказалось осчастливлено „богатством различий“ в виде многочисленных „исключений“ и „отступлений“, дублетов, триплетов ⟨...⟩ которые, возможно, и имеют подтверждения в сербских народных говорах, но своей многочисленностью ⟨...⟩ не только без нужды перегружают литературный язык, но и создают психологическое впечатление, что сербская литературная норма устроена по принципу ⟨...⟩ „можно и так, и так“» [Драгичевић 2012: 227]; сходная позиция изложена в [Брборић 2000]. Унификацию орфоэпической нормы СЛЯ в пользу экавского варианта поддерживал также Д. Петровић [Петровић]. С другой стороны, лингвисты призывают к необходимости сохранить региональное своеобразие: «необходимо ⟨...⟩ чтобы [в РС] в неофициальном и индивидуальном употреблении была абсолютно допустима реальная форма реализации сербского литературного языка (*стварно стање у српском стандардном језику*) (иекавско-экавская и алфавитная двойственность, дублеты и функциональные различия)» [Окука 2012: 102]. Разрешить проблемы нормирования призван созданный в 1997 г. Комитет по стандартизации сербского языка, основные вопросы и значимые результаты деятельности которого изложены в сборнике [Српски језик у нормативном огледалу 2006]. Важнейшим шагом на пути к языковой унификации на территории проживания сербского народа признается внедрение единого набора школьных учебников [Реметич 2000: 216].

Вопросы варьированности языка и его нормирования в странах современной Европы в первую очередь рассматриваются в контексте контактологии и связаны с проблемой билингвизма, переключения и смешения кодов, взаимоотношения доминирующего и дополнительных языков, в том числе литературного языка и диалекта,

миграции, глобализации и социального варьирования [Языковая ситуация 2015; Language Variation — European Perspectives VII; Nekvapil 2008; Kontra et al. 2023], языковой культуры (language cultivation), а также гендерного подхода [Nekvapil 2008; Kontra et al. 2023] и языковых изменений [Language Variation — European Perspectives II]. Становятся предметом исследования и региональные реализации элементов языковой структуры [Bergmann 2006; Kehrein 2006; Leeman 2009]. О повышенном интересе к этой проблеме свидетельствует то, что на последней конференции по языковому варьированию — International Conference on Language Variation in Europe-12, проходившей в 2024 г. в Вене, работала секция Morphological and Syntactic Variation across the DACH(L)³ Borders — Similarities and Differences, а кроме того, в прочих секциях был представлен ряд докладов, посвященных региональной вариативности в пределах немецкого литературного языка на других языковых уровнях [ICLAVE 12]. Актуальность этой темы организаторы объясняют появлением крупных международных проектов по исследованию варьирования немецкого языка в разных странах. В рамках этих проектов был собран большой материал, в том числе морфологический и синтаксический, что представляет собой новшество по сравнению с преобладанием исследований фонетического варьирования [Morphological and Syntactic Variation 2024]. Подобная работа ведется и в франкофонных странах [Чернышева 2015]. Отметим, что языковая ситуация в немецко- и франкоязычных странах типологически близка к сербской (диалектные региональные черты определяют облик немецкого и французского языка в той или иной стране его распространения), с той разницей, что в случае с сербским речь идет о языке одного, а не нескольких народов.

Вариативностью в пределах сербского (сербскохорватского) языка и становлением нормы СЛЯ много занимались классики российской сербистики и славистики В. П. Гудков [Гудков 1965] и Н. И. Толстой [Толстой 1988], настоящая статья продолжает традиции этих исследований.

³ DACH(L) — Германия, Австрия, Швейцария и Лихтенштейн.

Далее мы рассмотрим два типа региональных характеристик СЛЯ, стандартные и субстандартные, по языковым уровням. Каждому языковому уровню посвящен отдельный раздел. Различия в языке и речи жителей Сербии и РС будут проанализированы на примере крупнейших городов сербских территорий к востоку и западу от реки Дрины: Белграда и Нови-Сада, с одной стороны, и Баня-Луки — с другой. Материалом для исследования фонетического, морфологического и синтаксического уровней послужили аудиоинтервью, опубликованные на платформе «Социальная история Баня-Луки» [Друштвена историја Бањалуке]⁴, и аудиоинтервью на разные темы, проведенные Д. Црняк⁵. Материалом для описания лексического уровня послужили устные и письменные тексты в СМИ, различные публикации в интернете и анкетирование носителей языка (подробнее см. в *Разделе 6*). Собранный авторами материал сопоставляется с данными по диалектологии западных сербских говоров⁶.

Разговорный язык⁷ сербского населения РС неоднороден и территориально варьируется, о чем применительно к лексическому уровню

⁴ Материал используется с разрешения участников проекта, за что авторы приносят им глубокую благодарность. Уровень образования информаторов платформы «Социальная история Баня-Луки», интервью которых используются в данной работе, следующий: три университетских преподавателя, трое людей с высшим образованием и двое со средним (годы рождения 1967–1976). Записи информантов со средним образованием были привлечены к исследованию, так как их речь носит вполне правильный характер с точки зрения соответствия литературной норме и даже более правильный, чем у университетских преподавателей. Всего было использовано 13 часов аудиозаписей платформы.

⁵ Пять часов аудиозаписей с тремя информантами, рожденными в Баня-Луке в 1970–1974 гг., двое из них филологи, один — врач. Кроме того, Д. Црняк записывала примеры, которые встречала в повседневных беседах с жителями Баня-Луки.

⁶ Под западными сербскими говорами мы вслед за М. Драгичевичем понимаем говоры к западу от реки Дрины, то есть на территории Боснии и Герцеговины.

⁷ Авторы, вслед за [Симић 1995: 5], используют термин «разговорный язык» применительно к форме литературного языка, употребляемой в быту, в семейном и дружеском кругу.

будет сказано ниже⁸, и, поскольку бóльшая часть фонетического, морфологического и синтаксического материала из РС записана от жителей Бая-Луки, предлагаемое описание является описанием СЛЯ в западных районах РС, репрезентантом которых можно считать Бая-Луку. Детального исследования фонетических, морфологических и синтаксических особенностей речи городов восточной части РС (например, Требиня) мы не проводили, однако исходя из наших наблюдений за речью жителей городов РС, расположенных вблизи сербской границы, можно считать, что в их речи присутствуют те же особенности, но, возможно, в менее выраженной форме⁹. Кроме того, представительность записей из Бая-Луки подкрепляет и столичный статус этого города, являющегося средоточием политической, культурной и научной жизни республики.

2. Фонетический уровень

2.1. Вокализм и редукция гласных

В СЛЯ шесть слогообразующих фонем (пять гласных: *и, е, а, о, у* и вибрант *р*), которые могут быть долгими и краткими.

Главная характеристика вокализма западных сербских говоров, а следовательно, и Бая-Луки, — это редукция безударных гласных. Это явление проникло и в разговорный стиль литературного языка в РС. Разговорный стиль отличается «повышенной скоростью речи, с чем связана и ослабленная артикуляция — редукция (выпадение

⁸ Здесь имеется в виду не собственно диалектная вариативность, которая хорошо описана [Ивић 2009: 17–39], а региональная вариативность речевых особенностей носителей СЛЯ.

⁹ Общая численность населения РС — 1,28 млн. В регионе Бая-Лука проживает 405 тыс. Кроме Баялуцкого региона, в западную часть РС входят регионы Добой (208 тыс.) и Приедор (148 тыс.). К восточным регионам относятся Требине (68 тыс.), Восточное Сараево (123 тыс.) и Биелина (276 тыс.).

некоторых звуков, произношение которых обязательно в официальном узусе)» [Katnić Bakaršić 2001: 96]. Это подтверждает и наш материал¹⁰:

- (1) Ја сам исто чак *писао* <писао>¹¹ за гимназију, за „Орфеј“ ‘Я даже то же самое писал для гимназии, для «Орфея»’.
 Ми смо га чак и *покренили* ‘Мы даже его устроили’.
 Сад сам баш *прошо* <прошао> поред гимназије па сам ушао унутра ‘Я сейчас как раз прошел мимо гимназии, вошел внутрь’.
 Видим да има и тај радио, ми смо *покренили* <покренили> тај радио ‘Вижу, что есть и радио, мы устроили это радио’...
 Нагласак је више био на музици и неким тако *стварма* ‘Наибольшее значение придавалось музыке и похожим вещам’.
 Нисмо се баж *занимали* *только* за *политику*, *посл’је-је* тог можда више било ‘Политикой мы особенно не занимались, потому это больше распространилось’.
 Ја сам тад већ *от’ишо* у *Амер’ку* ‘Я тогда уже уехал в Америку’.
 То је четврти разред, кат су се *ствар* већ почеле мало *м’јењати* ‘Это был четвертый класс, когда ситуация начала меняться’.
 То је била осамдесет осма, тако да већ се пуно ствари *пром’јенило* до тада ‘Это был семьдесят восьмой, так что к тому времени уже много чего поменялось’.
 Био је „Полет“ и-Загреба, који сам ја *чито* <читао> редовно..., који *с’ писали* мали *људи* и врло критички ‘Был и «Полет» из Загреба, я регулярно читал, там писали и маленькие люди, и очень критически’.
 Не *могу* се сад *сјет’ти* шта је било од новина ‘Не могу сейчас вспомнить, какие были газеты’¹².

Как можно заметить, изменению подвергаются все безударные гласные, при этом редукция может быть полной и частичной.

¹⁰ Записи устной речи в статье даются кириллицей по решению авторов.

¹¹ В угловых скобках приводится стандартная форма без редукции.

¹² Из разговора с университетским преподавателем из Баня-Луки, который с 1989 г. живет за границей [Друштвена историја Бањалуке].

Редукция гласного *a* характерна для быстрого темпа речи и, главным образом, происходит на стыке слов и морфем [ср. Дешић 1976: 57]:

- (2) *нек* <нека> погледају тај филм ‘пусть они посмотрят этот фильм’;
нек ми се јави у суботу ‘пусть он(а) мне позвонит в субботу’;
нишит <ништа> нисмо јели ‘мы ничего не ели’;
 ти баш *нишит* <ништа> не знаш ‘ты вообще ничего не знаешь’ и т. д.

Гласный *e* характеризуется стабильной артикуляцией, однако в безударной позиции в середине и в конце слова возможна его полная редукция [ср. Дешић 1976: 60–61; Петровић 1978: 37; Козомара 2016: 619]. В начале слова редукция нами не была зарегистрирована:

- (3) *хајд* <хајде> биће боље ‘ладно, будет лучше’;
 што *с-тиче* <што се тиче> владе ‘что касается правительства’;
осамдест <осамдесет> осме је би^о у војсц^и ‘в восемьдесят восьмом он был в армии’;
 а ви *хоћете* у Србију ‘а вы хотите в Сербию’;
 па *ћемо* се враг^ит за мјесец-два ‘мы вернемся через месяц-два’ и т. д.

На редукцию безударного гласного *и* во всех трех позициях в слове указывали многие сербские диалектологи ([Петровић 1973: 40–44, 1978: 39–41; Дешић 1976: 61–70; Драгичевић 1986: 69–72; Козомара 2016: 620–621; Цукот 2021: 33–38] и др.). Их исследования показывают, что редукция гласных намного чаще встречается в северо-западных говорах восточногерцеговинского диалекта, чем в юго-восточных [Драгичевић 2001: 85]. Как показывают наши наблюдения, редукция гласного *и* представлена в речи самых образованных жителей Баня-Луки (то есть тех, кто должен хорошо владеть нормой СЛЯ).

Полная редукция начального *и* встретилаь всего несколько раз в словах *Талијан* / *талијански* ‘итальянец / итальянский’¹³:

¹³ «*Талијан* — это стандартная форма, очень частотная в народных говорах» [Николић 1991: 203].

- (4) Било је наших филмова нешто, и можда неких тако француских, *талијанских* ‘были и наши фильмы, может, и французские, итальянские’;
ја сам слѣдеће године потписала уговор са једном *талијанском* породицом ‘я на следующий год подписала договор с одной итальянской семьей’;
њен муж је био *Талијан* ‘ее муж был итальянец’.

В медиалној позицији *и* редуцира се намного чашче, преже всего перед или после сонорног (приобретающего функцию слогаобразующего элемента), реже в соседстве с другими согласными, например:

- (5) па вам донесе ону *велку* <велику> чоколаду ‘он вам принес большую шоколадку’;
на крају *велка* <велика> туча ‘в конце большая драка’;
не волим *велке* <велике> градове ‘я не люблю большие города’;
почела у *Клин*^нчком центру рад^нт ‘начала работать в клиническом центре’;
онако *тип*^нчна средња класа града Бањалуке ‘типичный средний класс Баня-Луки’.

Редукција может быть полной и частичной и происходит в следующих случаях:

— в именах существительных, содержащих суффикс:

- (6) а ми вучемо *приколицу*¹⁴ <приколицу> с чамцима ‘а мы тащим прицеп с лодками’;
и спушта *слушациу* <слушалицу> ‘и кладет трубку’;
и биле су *столице* <столице> напољу ‘на улице стояли стулья’;
исто је било кад смо прелазили *граңцу* <границу> ‘так же было, когда мы переходили границу’;
баба је ув^нјек нос^нла *плетеңцу* <плетеницу> ‘бабушка всегда носила косу’;

¹⁴ После утраты *и* сонанты *л*, *н*, *њ* и *р* иногда становятся слогаобразующими.

сутра је *Бадњаца* <Бадњица> ‘завтра Сочельник’;
 мама ми је оплела *сукњицу* <сукњицу> ‘мама мене связала юбочку’;
 кад *секретарца* <секретарица> каже ‘раз секретарша говорит’;
 фина *цурца* <цурица>, добро д’јете ‘симпатичная девушка, хо-
 роший ребенок’;
 рођен сам у Бањалуц седамдесет треће *годне* <године> ‘я ро-
 дился в Баня-Луке в 73 году’;
 ви *омладна* <омладина> сте овакви ‘вы, молодежь, такие’;
 био сам у *позадни* <позадини> ‘я был в стороне’;
 били су пука *сиротња* <сиротиња> ‘они были настоящая беднота’;
 видиш ове три *цртџе* <цртице> ‘видишь эти три черточки’;

— в окончании *-има* во мн. ч. суш. м. и ср. р.:

- (7) неки су долазали *колма* <колима>, а неки *аутобусма* <ауто-
 бусима> ‘кто-то приезжал на машине, а кто-то на автобусе’;
 најљепше је рад’т са младим здравим *људма* <људима>
 ‘лучше всего работать с молодыми здоровыми людьми’;
 неко је на *вратма* <вратима> ‘кто-то пришел’¹⁵;

— перед суффиксом *-тељ*:

- (8) *род’тељи* су ме могли послат ‘родители могли меня послать’;
род’тељи су били такви ‘родители были такие’;
 моји *род’тељи* причају како је то било ‘родители мне расска-
 зывали, как это было’;
 моји *род’тељи* су политички прилично неискусни ‘мои роди-
 тели достаточно неопытны в политике’;

— в местоименных формах *толики* ‘такой (по размеру, количе-
 ству)’, *толико* ‘столько’, *колико*¹⁶ ‘сколько’ и т. п.:

¹⁵ Окончание *-ма* в этих формах может трактоваться и как старое окончание *ма*, и как окончание *-има* с редуцированным *и* [Дешић 1976: 219–222], ср. [Петровић 1978: 99–101].

¹⁶ В слове *колико* звук *и* часто выпадает и в речи жителей центральной Сербии, в том числе Белграда.

- (9) није фер да ја то носим код тебе *толкога* <толикога> ‘нехорошо, что я это несу, при том, что ты сам такой большой’;
онолки <онолики> човјек, а ништа не ради ‘такой большой человек, а ничего не делает’;
 нисмо се баш^ж занимали *толко* <толико> за политику ‘мы особенно не интересовались политикой’;
толко <толико> пуно је направљено у том периоду ‘столько много сделано в тот период’;
неколко <неколико> сати касније и он долази ‘через несколько часов и он пришел’;
 знаш ли *колко* <колько> је сати ‘знаешь ли ты, который час’;
 прочитаћу *онолко колко* <онолико сколько> стигнем ‘я прочитаю столько, сколько успею’;
- в формах причастия на -л:
- (10) *борла* <борила> сам се с њима ‘я с ними боролась’;
 па су се Срби *вратли* <вратили> ‘и сербы вернулись’;
 људи који су *долазли* <долазили> ‘приезжавшие люди’;
долазли <долазили> да се прилагођавају ‘приезжали, чтобы приспособиться’;
 она је *доносла* <доносила> одлуке ‘она принимала решения’;
 ја сам *доседла* <доселила> ‘я переселилась’;
 све смо то *избацли* <избацили> напоље ‘все это мы выбросили на улицу’;
 жена која је јако *патла* <патила> због свега тога ‘женщина, которая очень страдала из-за всего этого’;
 ко да ме нешто *носло* <носило> ‘как будто меня что-то несло’;
 пуно људи се *запосло* <запослило> ‘много людей устроилось на работу’;
отворли <отворили> га и побјегли ‘открыли его и убежали’;
 сад^т смо ми *искочли* <искочили> ис-куће ‘мы выскочили из дома’;
 Македонци су је *направили* <направили> ‘македонцы ее сделали’;
 људи су се мало *шалили* <шалили> око тих ствари ‘народ шутил насчет этих вещей’;

они су *правили* <правили> пародију о-тог ‘делали из этого пародију’;

заљубила <заљубила> се у комшију ‘влюбила се у соседа’;

давно *рашчистили* <рашчистили> с вјером ‘давно разобрали се с верой’;

онда смо нас двоје то *одлучили* <одлучили> ‘тогда мы вдвоем это решили’;

— в императиве:

(11) *Изволте*¹⁷ <изволите>, *дођте* на позив ‘пожалуйста, приходите по приглашению’;

сналасте <сналазите> се како знате ‘приспосабливайтесь, как знаете’;

спремте се брзо, па да идемо ‘быстро собирайтесь и пойдём’;

ево је, *бежмо* <бежимо> ‘вот она, бежим’;

ајд ви *правте* салату ‘давайте вы делайте салат’;

помозте јој да се обуче ‘помогите ей одеться’;

учте, дјецо, требаће вам ‘учитесь, дети, это пригодится’;

— в будущем времени:

(12) *Пустћу* ја теби ‘я тебе отправлю’;

— в аористе:

(13) и *завалише* <завалише> ме ‘и впутали меня’.

В конце слова *и* редуцируется практически регулярно, причем трудно оценить, имеет ли место полная редукция или частичная:

— в косвенных падежах суш.:

(14) дођем *кућ* <кући> ‘прихожу домой’;

у *Бањалуци* су немири ‘в Баня-Луке беспорядки’;

стари *другов* <другови> кад уђу ‘когда старые друзья придут’;

¹⁷ В форме *изволите* редукция частотна и в разговорной речи жителей Белграда.

усп^нјево (сам) да видим све те неке *опасност* <опасности> ‘мне удалось увидеть все опасности’;
он је трећи по *опасност* <опасности> ‘он на третьем месте по опасности’;

— в мест. *они*:

- (15) *он^н* с-легенде града ‘они — легенда города’;
он^н с-утврд^нл^н следеће ‘они установили следующее’;

— в формах мест. *мени, теби, себи*:

- (16) *мен^н* је оно страшно ‘по-моему, это страшно’;
мен^н је тако брзо прошло ‘для меня это быстро прошло’;
мен^н с-битнији људ^н ‘мне важнее люди’;
мен^н то није важно ‘мне это неважно’;
дошо *себ^н* и он *мен^н* каже ‘пришел в себя и он мне говорит’;
ја сам *теб^н* послала ‘я тебе послала’;

— в энклитических формах мест. *ми, ти*:

- (17) то *м^н* је баш оно поз^нтивно ‘для меня это как раз то, позитивное’;
виџа *м^н* испадне ‘у меня челюсть отпала’;
женски дио фамилије *м^н* је био см^нјешан ‘женская часть семьи вызывала у меня смех’;
овде *м^н* је било добро ‘мне здесь было хорошо’;
постаје *м^н* све кошмар ‘все для меня становится кошмаром’;
имо сам среће да *м^н* је он ту ‘мне повезло, что он был рядом со мной’;
то *м^н* је онако професионално најзначајнија ствар ‘професионально это для меня самое важное’;
мање *м^н* је било важно колко траје дан ‘для меня было менее важно, сколько длится день’;
било *т^н* је само битно да не мрзе људи ‘тебе было важнее всего, чтобы люди не ненавидели’;
зашто *т^н* то говорим ‘зачем я тебе это говорю’;
шта да *т^н* кажем ‘что тебе сказать’;

то *m^u* је најопаснији град малтене у Амер^uц ‘это чуть ли не самый опасный город в Америке’;

ако *m^u* то нешто значи ‘если для тебя это имеет какое-то значение’;

дошо *m^u* је кум ‘к тебе приехал кум’;

неко *m^u* ради иза леђа ‘кто-то орудует у тебя за спиной’;

било *m^u* је и то важно ‘для тебя это было важно’;

— в инфинитиве:

- (18) мислим сад *ић* <ићи> кућ ‘думаю сейчас пойти домой’;
 можеш и ти *сним^ut* <снимити> ако хоћеш, па м^u *послат* <послати> касније ‘можешь и ты заснять, если хочешь, а потом послать мне’;
 и онда сам ја интензивније почео *фурат* <фурати>, *бјежат*, *бјежат* <бјежати> ‘и тогда я начал быстрее бежать’;
 кренем мало *бјежуцкат* <бјежуцкати> ‘я начал потихоньку бежать’;
 немојте ме *пеглат* <пеглати> ‘не нужно ко мне приставать’;
 јес ти хтио *уписиват* <уписивати> факс ‘хотел ли ты поступать в институт?’;
 да ми је кући мојој *отић* <отићи>, својој жени, *окупат* <окупати> се ‘чтобы мне сходиться домой, к жене, помыться’;
 мораш с-ти навече *покрит* <покрити> ‘вечером нужно накрыться’;
 је л се имало *пон^ut* <попити> ‘было ли что пить’;
 оће л^u рат *заври^ut* <завршити> ‘закончится ли война?’;
 те бројке ће *прогутат* <прогутати> све то ‘эти цифры все проглотят’;
 хај сад са мною па ћеш *видјет* <видјети> ‘пойдем со мной и увидишь’;
 ако ћемо ми *пливат* <пливати> ‘если будем плавать’;
 ако желиш нешто *направ^ut* <направити> са својим животом, можеш га *направ^ut* и овдје, исто ко да живиш у Америци ‘если ты хочешь что-то сделать со своей жизнью, можешь это сделать и здесь так же, как в Америке’;

само ћу мало *издинстат* <издинстати> лук, мркву ‘я только потушу лук, морковь’;

— в императиве:

- (19) де м^н *реџ* <реџи> је л снимаш ти ово ‘скажи, ты это записываешь?’;
реџ <реџи> ми како сад стојиш ‘скажи мне, как у тебя дела’;
дођ <дођи> са неким планом ‘приходи с каким-то планом’;
 ајде, *дођ* <дођи> у суботу код нас ‘давай приходи к нам в субботу’;
 каже — *дођ* <дођи> одмах ‘говорит, приходи сразу’;
 ај *пошалъ* <пошалъи> и мени ‘давай пошли и меня’;
 ај ти корупцију *истраж* <истражи> ‘давай расследуй коррупцию’;
укључ <укључи> се и ти ‘подключайся и ты’;
бјеж <бјежи> ми с очију ‘проваливай с моих глаз’;
вид <види> оно ‘посмотри туда’;
 дубоко *диш* <диши> и не бој се ‘дыши глубоко, не бойся’;
сјед <сједи> мирно ‘сиди спокойно’;
стан <стани> да поп^нјем кафу ‘вставай, выпьем кофе’;

— в причасти на -л:

- (20) *испретресал* <испретресали> нас људ^н наоружан^н ‘нас обыскали вооруженные люди’;
бил^н јако талентован^н, ал нису нешто *хтјел* <хтјели> да тренирају ‘они были очень одаренные, но не хотели заниматься спортом’;

— в формах глагола *бити* (*јеси* и *ниси*):

- (21) *јес* ти добро ‘у тебя все в порядке?’;
јес ти сигурна да се снима ‘ты уверена, что идет запись?’;
јес ти гладан ‘ты голоден?’;
јес ти свјесна тога ‘ты это понимаешь?’;
јес ти хтјела студират ‘ты хотела учиться?’;
јес ти био љут ‘ты рассердился?’;
јес икад чула за њега ‘ты когда-нибудь о нем слышала?’;

нис ти сад мого бит екстремно радикалан ‘ты сейчас не мог быть чрезмерно радикальным’;
нис мого тек тако отић ‘ты не мог просто так уйти’;
нис имо прилику да прекинеш то ‘у тебя не было возможности это прервать’;
 гдје *с^и* ти ‘где ты?’;
 ти *с^и* у Тенесију ‘ты в Теннесси?’;
 шта *с^и* јео за вр^ијеме рата ‘чем ты питался во время войны?’;
 мого *с^и* и то ако *с^и* хтио ‘ты мог и это сделать, если хотел’;

— в аористе глагола *бити*:

- (22) не знам шта *б^и* <бих> т^и рекла ‘не знаю, что тебе сказать’;
 ја *б^и* <бих> се игро ‘я бы играл’;
 не *б^и* <бих> ја ни у једну ‘я бы ни в одну’;
 ти *б^и* то моро урад^ит ‘ты бы должен был это сделать’;
 да *б^и* <бисмо> више новца уштед^или ‘чтобы сэкономить больше денег’;

— в деепричастии настоящего времени:

- (23) *трчећ* <трчећи>, вјеруј ми ‘бегом, поверь’;
 већину времена је мој супруг проводио *чекајућ* <чекајући>
 мене да се ја спремим и с мојим оцем *причајућ* <причајући>
 ‘большую часть времени мой супруг проводил, ожидая меня,
 пока я соберусь, и разговаривая с моим отцом’;
сједећ <сједећи> за машином ‘сидя за машинкой’;
 не *знајућ* <знајући> шта тебе сад^и стварно чека ‘не зная, что
 тебя сейчас в действительности ждет’;

— в числительном *четири*:

- (24) буде прва *четри* дана ‘первые четыре дня’;
 сва *четри* годишња доба имају ‘там есть все четыре времени
 года’;
 ми смо *четри* год^ине били заједно ‘мы были вместе четыре года’;
 забављали су се *четри*-пет^и година ‘они встречались четыре-
 пять лет’;

онда смо обав^нли три-*четри* разговора ‘тогда мы провели три-четыре беседы’;
он је од мене *четри* год^нне старији ‘он старше меня на четыре года’;

— в частице *ли*¹⁸:

- (25) Да *л* се сјећате ‘помните ли вы?’;
да *л* си осјећо насиље ‘чувствовал ли ты насилие?’;
је *л* преко пута ‘напротив?’;
пита ме је *л* идем ‘спросил меня, пойду ли я’;
је *л* било заједништва ‘было ли единство?’;
је *л* му рекла ‘сказала ли она ему?’;
шта *л* је са-доживио ‘что он пережил’;
зна *л* се ишта више ‘известно ли что-то еще?’;
хоће *л* и он доћ ‘придет ли он?’;
мисли *л* она путоват ‘собирается ли она ехать?’;

— в союзах *али*, *или* и *нити*¹⁹:

- (26) *ал* нећу ја намјерно ‘но специально не буду’;
ал то не изгледа тако ‘но это так не выглядит’;
ал неће бит лако ‘но не будет легко’;
не воли власт, *ал* не гласа ‘он не любит власть, но не голосует’;
ал ипак није било насиља ‘все-таки не было насилия’;
ал имам такав задатак ‘но у меня есть такое задание’;
ил је радио поштено *ил* је крао ‘или работал честно, или воровал’;
ил је побјего ‘или сбежал’;
ето ме вечерас *ил* сутра посл^нје посла ‘приду сегодня вечером или завтра после работы’;
да је луд *ил* дрогиран ‘он сошел с ума или находится под действием наркотиков’;

¹⁸ В этой позиции редукция регулярна и в разговорной речи жителей Белграда.

¹⁹ В этой позиции редукция частотна в сербской поэтической речи независимо от территориального происхождения текста. Встречается в разговорной речи жителей Белграда.

ту *ил* имаш шта појест *ил* немаш ‘тут или есть что поест, или нет’;
нит сам ја то хтјела, *нит* сам могла ‘я этого не хотела
 и не могла’;
нит причамо о томе *нит* о њему ‘не говорим ни о том,
 ни о нем’;
нит ти видиш ко је, *нит* разум²⁰јеш шта се догађа ‘не видно,
 кто он, и непонятно, что происходит’.

Можеут утрачиваться гласный *о*:

— в начальной позиции в местоименных наречиях *овако*, *онако*,
овамо и т. п. [ср. Петровић 1978: 39; Цукут 2021: 38]:

- (27) може још десет година *вако* ‘можно так еще десять лет’;
 он је *вако* старији, подебео момак био ‘он был такой постарше,
 полный парень’;
 и то *вако* прел²⁰јеће ‘и это так перелетает’;
 то је *вако* једна романтична геста мог мужа ‘это такой роман-
 тический жест моего мужа’;
 октобар мјесец, *вако* негдје ‘в октябре примерно’;
 а он њему *вако-нако* ‘а он ему туда-сюда’;
 била на радничким савјетима редовно и записничар и *вако*
 и *нако* ‘она на собраниях коллектива была всегда секретарем
 и так, и так’;
 изграђена је *нако* како се могло ‘построен так, как получилось’;
 дођи *вамо* ‘подойди сюда’;
 бјеж *вамо* ‘беги сюда’;
 да искористим *вам*²⁰ овај дио простора ‘использую здесь эту
 часть пространства’;

— в конечной позиции в союзах *ако* и *него* [ср. Дешић 1976: 59;
 Цукут 2021: 39]:

- (28) *ак* има потребе ‘если есть необходимость’;
ак она то зна ‘если она это знает’;

²⁰ В этом примере утрачивается и начальный, и конечный *о*.

радије ћу тебе запослит *нег* неког другог ‘я лучше тебя возьму на работу, чем кого-то другого’;
 знао сам више *нег^к* сада ‘я знал больше, чем сейчас’;
 не само то *нег* и све остало ‘не только это, но и все остальное’;
 прије *нег^к* што је она дошла ‘перед тем как она пришла’;
 прије *нег^к* што сам уписо факс ‘перед тем как я поступил в институт’;

— в мест. *свако*, *како*, наречии *онако*, *тако*, *тамо*, частице *само*:

- (29) као што је *свак* нормалан радио ‘как каждый нормальный, работал’;
свак је то пратио ‘каждый за этим следил’;
свак^к добије мало пара ‘каждый получает немного денег’;
свак свакога зна ‘все друг друга знают’;
свак се ухвати за то ‘каждый за это хватается’;
свак је мого да изађе ‘каждый мог выйти’;
как се зову ‘как их зовут’;
как се то каже ‘как это говорится’;
как^к да кажем ‘как сказать’;
как смо ми трчал ‘как мы бегали’;
 ја не знам *как* се ти зовеш ‘я не знаю, как тебя зовут’;
онак плутали ‘так блуждали’;
онак мало ‘так мало’;
сам кажем ти, ми смо бил релативно кратко ‘только я же говорю, мы были относительно коротко’;
 она је трчала *сам так* ‘она очень хорошо бегала’;
таг да је била збуњена ‘так что она была смущена’;
 ми смо бил *там* сеам-осам дана ‘мы там были семь-восемь дней’;
 да видим *там* ‘посмотрю там’.

У гласного у самая стабилная артикуляция. Иногда частичная и полная редукция у встречается в заударных слогах [Козомара 2016: 626–627]. Утрата начального у фиксируется очень редко, только в слове *уопште*:

- (30) ова држава, да б^и *опште* крен^{ла} напр^јед ‘это государство, чтобы вообще двинуться вперед’;
 нисам мого вјероват *опште* гдје сам ‘я вообще не мог поверить, где я нахожусь’;
 требало је једно два-три мјесеца да људи повјерују *опште* да је стао рат ‘должно было пройти два-три месяца, чтобы люди поверили, что война остановилась’.

Чаще всего изменения у происходят в глагольном суффиксе *-ну-* (> *ни-*):

- (31) и она се *брин^{ла}* <бринула> ‘и она беспокоилась’;
 била сам се *забрин^{ла}* <забринула> ‘я забеспокоилась’;
зовн^{ла} <зовнула> сам их ‘я их позвала’;
 само ће *зовн^т* <зовнути> ‘они только позвонят’;
изгин^{ло} <изгнуло> је много народа ‘погибло много людей’;
 већ је *крен^{ло}* <кренуло> лагано ‘уже потихоньку началось’;
 вако се *окрен^{ше}* <окренуше> ‘так обернулись’;
 ја сам се *окрен^{ла}* <окренула> и изашла ‘я повернулась и вышла’;
 ми смо *покрен^л* <покренули> тај радио ‘мы открыли это радио’;
 ал ми њега нисмо ни *помен^{ли}* <поменули> ‘но мы его даже не упомянули’;
 морам *спомен^{ти}* <споменути> и њу ‘я должна упомянуть и ее’;
 флашу *потегн^т* <потегнути> на некога ‘бутылкой замахнуться на кого-нибудь’;
 ми ћемо то *укин^т* <укинути> ‘мы это отменим’;
 не може ногу *стисн^т* <стиснути> ‘не может сжать ногу’;

а также в наречии *ујутру*:

- (32) крене бус *уј^тру* у пет сати ‘автобус отправился утром в пять часов’;
 и ја то *уј^тру* причам својим род^нтељма ‘и я утром рассказываю это своим родителям’;

па ћемо *ујутру* ић његовим родитељима ‘утром мы пойдем к его родителям’;
 до *ујутру* не знамо ‘до утра не знаем’;
 кад *ујутру* прођете ‘когда утром пойдете’;
 и то траје до једно пет *ујутру* ‘и это длится примерно до пяти утра’.

Редукция и выпадение гласного у чаще происходит на стыке слов в быстрой речи (ср. [Петровић 1978: 45, 58; Козомара 2016: 658]):

- (33) са-*ћ* <сад ћу> ја теби овако ‘сейчас я тебе вот так’;
 не *мог* <могу> да се одлучим на тај корак ‘не могу решиться на этот шаг’;
 не *мог* <могу> ја сад^т с неким се друшт чисто онако ‘не могу я с кем-то дружить просто так’;
 биће неки период кад *нећ* <нећу> моћ изаћ и-земље ‘будет какой-то период, когда я не смогу выехать из страны’;
 то ти *хоћ* <хоћу> рећ ‘это хочу тебе сказать’;
 онда сам био *год^н* <годину> дана у Амер^нц^н ‘потом я был год в Америке’;
 ајд сутра *ћ* <ћу>, сутра *ћ* ‘давай завтра сделаю, завтра’;
 ма *нећ* <нећу> ни ић ‘не хочу идти’;
 он^н *с-утврд^л* <су утврдили> сљедеће ‘они установили следующее’;
 сутрадан *с-дошл^н* <су дошли> ‘пришли на следующий день’;
 сви *с-имал* <су имали> те неке мале снове своје ‘у всех были свои маленькие мечты’;
нис-то <нису то> лак^н задац^н ‘это нелегкие задачи’ и т. д.

Интересные мнения об этом явлении высказывают сербские пользователи в соцсетях: «Које су то ријечи које имају два слова *н* једно поред другог? *Планна* и *сланна*»²¹ ‘В каких словах встречается два «н»: *План<и>на* (гора) и *слан<и>на* (сало)’; «Ми смо у основној

²¹ В СЛЯ отсутствуют двойные согласные, но в результате редукции двойной согласный может образовываться.

школи говорили *учтељца*, а то је ..., неком још чудноватијом гласовном промјеном од ове, прелазило у *уштељца*» ‘Мы в начальной школе произносили *уч<и>тељ<и>ца* (учительница), что в результате странного фонетического процесса превращалось в *уштељца*’; «Једем самогласнике *ко* кокице» (@МајаMoon14) ‘Глотаю гласные, как попкорн’; «Кад сам узбуђена, долази до изражаја моје босанско порекло, једем самогласнике и дерем се као луда» (@zoe_bg) ‘Когда я волнуюсь, дает о себе знать мое боснийское происхождение: глотаю гласные и ору, как ненормальная’.

2.2. Рефлексы «ять»

В Бانيا-Луке представлен иекавский тип произношения, то есть на месте древнесербского гласного «ять» здесь в зависимости от долготы произносится *ије* или *је*. Однако любой житель этого города время от времени употребляет экавизмы (слова, в которых рефлекс «ять» — *e* [э]), свойственные и другим иекавским говорам [Петровић 1973: 51, 55; Дешић 1976: 119; Козомара 2016: 631]:

- (34) да је *деда* звао да дођемо ‘дед приглашал нас приехать’;
деда је знао покојни ‘покойный дед знал’;
баба и *деда* су ту били ‘тут были бабушка и дедушка’;
јер су моје *деде* и баке живјели на селу ‘потому что мои дедушки и бабушки жили в деревне’;
овдје смо живјели у заједници с баком и *дедом* ‘здесь мы жили вместе с бабушкой и дедушкой’;
његов *деда* је држао хан ‘его дед держал гостиницу’;
она (је) као д^нјете одлазила тамо код баке и *деде* ‘она ребенком ездила туда к дедушке и бабушке’;
ја нисам имала баку и *деду* којим ћу ићи на село преко лета ‘у меня не было бабушки и дедушки, к которым можно было бы поехать на лето’;
недељом смо гледали породично *Недељно* поподне ‘по воскресеньям мы смотрели всей семьей «Воскресный вечер»’;

пошто је то *недеља*, прошеташ се по граду ‘в воскресенье можно прогуляться по городу’;
 у *понедељак* негдје око једанест сати ме зове моја сестра ‘в понедельник около 11 ч. звонит мне моя сестра’;
 слједеће *недеље* станарско право преноси на мајку ‘со следующей недели право на проживание передается матери’;
 технички си мого ратоват с *обе* стране ‘технически ты мог воевать с обеих сторон’;
 било је свега на *обе* стране ‘с обеих сторон было разное’;
обе те елите... које су владале ‘обе правящие элиты’;
 да је било као у свим градовима *овде* ‘было, как во всех здешних городах’;
 да се људи *овде* радикализују ‘чтобы люди здесь превратились в радикалов’;
 да се једноставно ангажујем *овде*, да *овде* радим ‘чтобы просто устроиться здесь на работу’;
 мора да се рјешава *овде* ‘нужно здесь решать’;
 Ми такве феномене нисмо произвели *овде* ‘такие явления зародились не здесь, не у нас’;
 нико није о рату причо *овде* никад ‘никто здесь никогда не рассказывал о войне’;
 ако одлучим да останем *овде* ‘если я решу остаться здесь’;
 нашли смо *овде* стварно добар мед ‘мы действительно нашли здесь хороший мед’;
овде опет је питомије ‘здесь все-таки культурнее’;
на пример у градовима у којима сам прије живио... *на пример* Штутгарт ‘например, в городах, в которых я до сих пор жил... например, Штутгарт’;
 дјеца добијају сада неке друге просторе, *на пример* ‘сейчас у детей другое пространство, например’;
 да буде запажена *на пример* у већим центрима ‘чтобы ее заметили, например, в больших центрах’;
на пример, оно што је било нешто незамисливо до прије два мјесеца ‘например, то, что было невозможно два месяца назад’;

на пример, избори деведесетих година ‘на пример, избори 90-х годов’;

на пример, не сјећам се сад некаквих инцидената ‘на пример, не помню сейчас никаких инцидентов’;

на пример, не говори о фолклору ‘на пример, не говорит о фольклоре’;

сарадња између универзитета, на пример ‘сотрудничество между университетами, например’;

она је била на две етаже ‘она была двухэтажная’;

он је од мене био две-три године старији ‘он был старше меня на два-три года’;

ишла две године на Машински факултет, две године ишла ‘я два года училась на факультете машиностроения’;

купиш неку крнтију од две хиљаде марака ‘купишь какую-нибудь развалюху за две тысячи марок’;

супруг и ја само добили парфем и две јабуке ‘мы с супругом получили духи и два яблока’;

јер се види да је ту две-три хиљаде људи ‘потому что видно, что здесь две-три тысячи людей’;

ставио главу доле²² ‘он наклонил голову вниз’;

ишли би на југ доле ‘они бы поехали на юг’;

а доле радиш ‘на юге работаешь’;

опрему смо доле сачували ‘оборудование мы сохранили внизу’;

ја нисам веслао доле ниже ‘я не греб ниже’;

а доле имате дјечје игралиште ‘внизу есть детская площадка’;

доле је била некаква белетристика ‘внизу была какая-то беллетристика’;

ја сам био доле, и доле се у ствари, већ тада док сам био, доле се закухало ‘я был на юге и, по сути, уже тогда, когда я там был, там началась заваруха’;

услови су доле били сјајни ‘на юге условия были прекрасные’;

па као трчимо сад доле ‘вроде бы бежим сейчас вниз’;

већ је било пар људи доле ‘на юге уже была пара человек’;

²² Форма *доље* в материале встречается очень редко.

можемо *после* у град ‘мы потом можем в город’;
 да се и *следеће* године вратимо ‘чтобы и на следующий год
 вернуться’;
 посло ме тај да ја одем пробуд^т *следећу* смјену ‘он меня по-
 слал, чтобы разбудить следующую смену’;
 једно вече код нас па *следеће* вече ко-другог комшије ‘один ве-
 чер у нас, второй у другого соседа’.

У глаголов на -љти в инфинитиве често встречается суффикс *и* [Дешић 1976: 125], причем этот *и* частично или полностью редуцируется:

- (35) ја би *вољла* да коначно и Босна и Херцеговина зна ‘я бы хотела,
 чтобы, наконец, и Босния и Герцеговина узнала’;
 Ја сам мого то *трп^т* ка-смо у клубу, кући не могу *трп^т* ‘я мог
 это терпеть, пока мы были в клубе, а дома я не мог это тер-
 петь’;
 ми смо супер *живли* ‘мы отлично жили’;
 сви смо *жив^{ли}* тако ‘мы все так жили’;
 нас је *бољла* брига за то ‘нас это не интересовало’;
 мене су само *бољле* и дотицале су ме се само личне приче ‘меня
 расстраивали и трогали только личные истории’;
вид^{ћеш} и ти како то изгледа ‘увидишь и ты, как это выглядит’;
 то се могло *вид^т* ‘это можно было видеть’;
 нешто смо се ту *врт^{ли}* ‘мы тут вертелись’;
 да су сви у аутобусу *полуд^{ли}* ‘все в автобусе сошли с ума’;
 знали смо сатима *сјед^т* уз р^нјеку ‘мы часами могли сидеть у реки’.

Из икавизмов, карактерних для населения католического веро-
 исповедания, в обследованном материале мы обнаружили только лек-
 семы *дида* / *дидо*. Они встретились у информантки, рожденной в сме-
 шанном браке (мать — сербка, отец — хорват). Рассказывая о своей
 семье, она последовательно по-разному называет деда по матери
 и по отцу:

- (36) Мајка је из православне породице (<...> пошто мој *деда* је био
 у Другом свјетском рату носиоц Споменике и свашта нешто

‘мать из православной семьи (...) поскольку мой дед во Вторую мировую войну был удостоен награды и так далее’;
и онда бака мора алкохолом поскидат, да случајно негдје не остане боја од (васкршњих) јаја, да кад *деда* дође, да не види ‘и тогда бабушка должна все протереть спиртом, чтобы где-нибудь случайно не осталась краска от (пасхальных) яиц, чтобы когда дедушка придет, он не заметил’;
мамини су, *деда* кад се пензионисао, отишли за Београд, пошто ми је *деда* настрада у касарни овдје ‘мамины, когда дедушка ушел на пенсию, уехали в Белград, потому что дедушка пострадал здесь в казарме’;
каже мени мој отац — ето, каже, нашла с-исту бену ко што ти је *дида* био ‘говорит мне мой отец: ты нашла такого же ненормального, каким был твой дед’;
то су нас бака и *дида* водили са својим пријатељима ‘бабушка и дедушка нас водили со своими друзьями’;
мој *дида*, кад је отишао у пензију ‘мой дедушка, когда вышел на пенсию’;
онда њу *дида* чека с посла ‘тогда дедушка ждал ее с работы’;
значи, радили су ми родитељи, бака, *дида*, баба, *деда* (...) сви су радили ‘значит, родители работали, бабушка, дедушка, бабка, дед (...) все работали’.

2.3. Консонантизм

В речи жителей Баян-Луки, как и в большинстве сербских говоров, согласный *x* утрачивается во всех позициях (ср. [Дешић 1976: 131–138] и указанную в этой публикации литературу; [Петровић 1978: 64–65; Козомара 2016: 640–641; Цукут 2021: 53–56]):

- (37) *оћемо* <хоћемо> у Италију ‘поедем в Италию’;
мауне <махуне> баш и не волим ‘стручковую фасоль я не очень люблю’;

реко <рекох>, *одо* <одох> ја у Америку ‘я сказала, поеду я в Америку’;
није било чак тољко *некакви ти етнички* <некаквих тих етничких> трзавица ‘не было даже столько межнациональных трений’ и т. д.

Однако, в отличие от большинства сербских говоров, а также окрестностей Баня-Луки (то есть говоров пригорода и окрестных сел), коренные жители этого города, выросшие в нем до начала войны 1990-х гг., почти регулярно используют форму *кухати* ‘готовить, варить’, что может быть вызвано гиперкоррекцией:

- (38) ја ув"јек *кухам*, ув"јек гледам да *кухам* ‘я всегда готовлю, всегда стараюсь готовить’;
тад се почело *кухати* по Хрватској ‘тогда в Хорватии началась заваруха’;
долазе први избори и већ се *куха* ‘начинаются первые выборы и заваривается каша’ и т. д.

Група *xv* упрошчається в *v*:

- (39) ал онда сам *сватио* <схватио> ‘но тогда я понял’;
нико не може да *свати* <схвати> шта му је ‘никто не может понять, что с ним’;

или в *ϕ*:

- (40) али сам *фато* <хватао> кривину негдје ‘но я как-то выкручивался’ и т. д.

Это явление также обсуждается в соцсетях: «Креативна агенција за гутање слова „x“» (@senkasenka) ‘Творческое агентство по проглатыванию буквы «x»’; «Купујем сугласник X (@DamirSalopek) ‘покупаю согласный X’; «Од узбуђења титра десно око и гутам слово *x*» (@бубатара) ‘От волнения у меня дергается правый глаз, и я проглатываю букву *x*’; «Знам лика који неће да користи слово *x* јер сматра да је то губљење времена» (@koska_lizi) ‘Знаю одного типа, который не хочет произносить букву *x*, потому что считает это ненужной тратой времени’.

В Баня-Луке встречается нестабильная артикуляция согласного *v*, характерная для западной части иекавских говоров [Дешић 1976: 141–143; Козомара 2016: 649]:

- (41) Тако да ме *чо'ек* <човјек> убацио 'так что меня этот человек ввел в ту среду';
 ти с, *чо'ече*, посматрач 'ты, дружище, наблюдатель';
 и погине *чо'ек* 'и погиб человек';
 направе они правила још, *чо'ече* 'придумали они правила, ужас';
 идем на Мањачу, *чо'ече* 'еду на Манячу, дружище';
 нема ниједног *чо'ека* 'нет ни одного человека';
чо'е-га обновио 'человек его восстановил';
 па се *чо'ек* врати 'человек вернулся';
 оћеш ти *чо'ека* зал'јеч'т ил нећеш 'вылечишь ты человека или нет' и т. д.

Фиксируется утрата сонанта *m* в формах настоящего времени глагола *немати* [ср. Козомара 2016: 648; Цукут 2021: 52]:

- (42) не могу, *неа* <нема> шансе 'не могу, нереально';
неа <нема> шта нисам радио 'я все делал';
неа <нема> ниједног чо'ека 'нет ни одного человека';
неа <нема> пара за образовање 'нет денег на образование';
неа <нема> пара у буџету 'нет денег в бюджете';
неам <немам> ни ја више снаге 'и у меня больше нет сил';
неам <немам> ти шта причат 'мне нечего тебе рассказать';
неам <немам> ни пара 'у меня нет денег';
неамо <неамамо> појма, чо'ече 'понятия не имеем' и т. д.

Существуют многочисленные примеры утраты или изменения консонантно-вокалических групп и целых слогов. Часто это явление встречается в формах глаголов *моћи* 'мочь' и *хтјети* 'хотеть', но есть и другие примеры (ср. [Петровић 1978: 88; Цукут 2021: 58]):

- (43) је л ти *мош* <можеш> то вјероват 'можно ли в это поверить?';
 је л *неш* <нећеш> плат'т 'ты не будешь платить?';

ита-иш <шта ћеш> кад је тако ‘что же, раз так’;
ош — неш <оћеш — нећеш>, нико те не гони ‘хочешь не хочешь, никто тебя не заставляет’;
овд-је <овдје је> радња ‘здесь магазин’;
 сад морам ић, баш *беззе* <без везе > ‘сейчас мне нужно идти, очень жаль’;
 он^н ће *мис* <мислити> — ту је ‘они будут думать, что здесь’;
 ја *с-то* <сам то> сањо ‘я это видел во сне’;
 треба прећ ону *раскрс^нцу* <раскрсницу> ‘нужно проехать тот перекресток’;
 имала температуру *четре*-степени <четрдесет степени> ‘у нее была температура 40 градусов’;
 Ка-*с-ми* питал <кад смо ми питали> оца ‘когда мы спросили отца’.

В Бانيا-Луке често встречается замена *p* > *л* в союзе *јер* [ср. Козомара 2016: 647]:

- (44) покуцамо *јел* је било затворено ‘мы постучали, потому что было закрыто’;
 мен је добар *јел* знам није да се тако лако размути ‘по мне хорошо, потому что знаю, что трудно размешать’;
 тако је одлучио *јел* никат се не зна ‘он так решил, потому что никогда не известно’;
 знао сам да је љута *јел* се могло видјет ‘я знал, что она сердится, потому что это было видно’;
јел је она тад била д^нјете ‘потому что она тогда была ребенком’ и т. д.

Наряду с обычным *кажем* — *кажеш* ‘говорю — говоришь’ встречается:

- (45) *ка’е*, немам ја појма ‘он говорит, я не имею понятия’;
ка’е — теби нема ‘говорит — для тебя нет’;
 што ти *ка’еш* ‘как ты говоришь’ и т. д.
 (ср. [Козомара 2016: 647; Цукут 2021: 53]).

В наивном восприятии пользователей соцсетей это явление также нашло отражение: «Дођите ви у крајишке планине да чујете шта је гутање сугласника, самогласника, слогова, падежа, па и читавих ријечи» (@JuraPijandura) ‘Приезжайте в краинские горы и послушайте, что такое проглатывание гласных, согласных, слогов, падежей, да и целых слов’.

3. Ударения

Просодия в речи образованных носителей СЛЯ на территории РС соответствует литературной норме. Причем в РС классическая вуковско-даничичевская просодическая норма (четырёхакцентная система, наличие долгих гласных в заударных слогах, перенос ударения на проклитику) сохранилась лучше, чем в Сербии [Петровић, Гудурић 2010: 369–382]. Так, в литературной речи жителей Сербии практически полностью утрачены заударные долготы, а в Баня-Луке они хорошо сохранились во всех формах, в которых они обязательны согласно норме:

- в род. и тв. ед. ч. сущ. на *-a*: *нема струјѣ, вѡдѣ* ‘нет электричества, воды’;
- в род. мн. ч. сущ. всех трех родов: *осамдесетих гѡдѡна* ‘восьмьдесятые годы’; *педесетак мѣтѡра* ‘около пятидесяти метров’;
- в местоименном склонении прилагательных: *на наѡим старѡм личѡим картама писало је* ‘на наших старых паспортах было написано’;
- в формах настоящего времени: *идѣш ван!*, *излазиш* ‘ты идешь на улицу, выходишь’; *јакѡ вѡлим овај град* ‘я очень люблю этот город’;
- в деепричастиях настоящего времени: *шкѡлујући то своје једино дѡјете* ‘давая образование единственному ребенку’; *глѣдајући у мене* ‘смотря на меня’;

- в отглагольных сущ. на *-ање*: *глѣдѣње опере у Београду* ‘посещение оперы в Белграде’; *рајдовѣње животу* ‘радость жизни’;
- в им. и вин. ед. ч. сущ. на *-ост*: *посто’и нека млѣдѣст* ‘существует какая-то молодость’; *брзо дође старѣст* ‘быстро приходит старость’;
- в 3-м лице мн. ч. аориста: *млади ђдошѣ* ‘молодежь уехала’; *ђјеца одра’стошѣ* ‘дети выросли’.

В речи носителей иекавской произносительной нормы СЛЯ намного шире, чем у экавцев, представлен перенос ударений на проклитики (односложные и двусложные предлоги, союзы и частицы). Это связано с тем, что литературная акцентуация основана на восточногерцеговинских говорах, до сих пор сохранивших ее лучше прочих сербских говоров. В речи носителей экавской произносительной нормы такая акцентуация «распространена ограниченно и отчасти маркирована как архаичная» [Пипер, Клајн 2013: 28].

Исследования речи жителей городов на территории Сербии [Бошняковић 2007; Драгин 2005] показали, что у носителей литературной экавицы общеупотребительными являются только два случая переноса:

- перед местоименной формой *мном* (тв. от *ја* «я») происходит перенос ударения на предлог: *зѣ мнѣм, нѣда мнѣм, пѣда мнѣм, прѣда мнѣм, сѣ мнѣм* и т. п.;
- когда отрицательная частица *не* находится перед глагольной формой, на первом слоге которой стоит нисходящее ударение: *нѣ дѣм, нѣ падѣ, нѣ једѣ, нѣ чујѣ, нѣ нѣдѣј се, нѣ нѣтѣј-те* и т. д.

Однако классическая вуковско-даничичевская норма подразумевает и целый ряд других случаев переноса, очень частотных в Бая-Луке:

1) старый перенос (перенос старого циркумфлекса, выступающего в виде нынешнего нисходящего ударения, с начального слога

на проклитику, на которой произносится краткое нисходящее ударение):

- *о́ко в́рата, у́ грáд, прѐко моста, прѐд мрáк;*
- *у́ гла́ву, нà рўке, пòд рўку;*
- *òд гла́ди, пòд јесѐн, прѐко ноћи;*
- *у́ брду, òд злáта, бѐз мѐса, нà мòру;*
- *зà мнòм, сà тобòм, прѐт собòм;*
- *зà двá дана, òд трѝ сата, пò дво'е;*
- *нѐ рече, нѐ урáдї;*
- *ї горѐ, ї дальѐ и т. д.;*

2) новый перенос (перенос нисходящего ударения, то есть нового циркумфлекса, развившегося из акута, на предыдущий слог, в результате чего на предлоге произносится восходящее ударение):

- *ї брат, кòд брата, нà прст, у рат;*
- *окò кућѐ, у́з ограду, нà ул'цу, прекò шумѐ;*
- *бѐс кòлá, нà лето, нà сўнцу;*
- *ї тї, испрѐд њѐ, кòд њега, у себи;*
- *кòд мòг друга, нà Мáлї Бож'ћ, пò трећї пут;*
- *нѐ бринѐм, нѐ дáм, нѐк идў;*
- *òд ондá, ї прије, нї тў и т. д.*

Но в Бая-Луке, как и в Белграде и Нови-Саде, также существуют отступления от правила переноса. Так, на внутренних слогах возможно появление нисходящих ударений в словах иностранного происхождения и сложных словах (ср. [Дешић 1976: 208; Цукут 2021: 70]):

- (46) *Југослáвија* < *Југòслáвија* > је била отворена 'Југославия была открытой';
комадáнт < *комáндант* > Мањаче стари би'о прије рата 'отец до войны был командующим Манячи';
 сједи у соби и гледа телевизор < *телѐвїзор* > 'сидит в комнате и смотрит телевизор' и т. д.

Отметим также одну типично баялуцкую инновацию — развитее долгого восходящего ударения вместо краткого восходящего

и долготы в таких словах, как *хелáнке* ‘легинсы’, *балетáнке* ‘балетки’, *манекéнка* ‘модель’, *Словéнка* ‘словенка’, *Јапáнка* ‘японка’, *мотóрка* ‘электропила’, и т. п. вместо правильных форм *хелáнке*, *балетáнке*, *манекéнка*, *Слòвèнка*, *Јàпáнка*, *мòтòрка*.

4. Морфологический уровень

4.1. Склонение мужских личных имен

Первую особенность представляет собой склонение мужских личных имен *Петар*, *Јован*, *Лазар* и т. п., у которых в иекавской среде есть уменьшительно-ласкательные формы на *-o* с долгим восходящим ударением *Пéро*, *Јóво*, *Лáзо*. В речи экавцев эти имена в именительном падеже оканчиваются на *-a* (то есть имеют окончание, характерное для женских имен: *Пера*, *Јова*, *Лаза*) и склоняются как существительные женского рода на *-a*: *Пера*, *од Пера* ‘от Перы’, *идем Пери* ‘иду к Пере’. В речи иекавцев в зависимости от территории эти имена могут склоняться по-разному. В Герцеговине и Черногории они склоняются по мужскому роду: *Перо*, *од Пера*, *идем Перу*, соответствующие притяжательные прилагательные заканчиваются на *-ов* (*Перов*, *Јовов*, *Лазов*), а образованные от них фамилии имеют форму *Перовић*, *Јововић*, *Лазовић*. В прочих иекавских регионах, в том числе в Баня-Луке, эти имена склоняются как существительные женского рода на *-a*: *Перо*, *од Пера*, *идем Пери*, притяжательные прилагательные заканчиваются на *-ин*: *Перин*, *Јовин*, *Лазин*, а соответствующие фамилии имеют вид *Перић*, *Јовић*, *Лазић*. Данный тип словоизменения обладает определенными недостатками (именительный падеж имеет форму мужского рода, а косвенные падежи — женского, что в некоторых случаях может вызвать коммуникативную ошибку), тогда как в герцеговинско-черногорском типе ошибка невозможна: *био сам код Саве*, *лијена је Савина кућа* ‘я был у Саввы, дом Саввы красивый’, когда речь идет о женщине, и *био сам код Сава*, *лијена је Савова кућа* — когда речь идет о мужчине. Несмотря на это, тип

„језицима“» (@DarMra1) ‘Некоторые говорят *петеро* вместо *петоро*... это не архаизм, провинциализм, локализм... но так говорится на других «языках»»; «Могу обје варијанте: *петоро* и *петеро*, *седморо* и *седмеро*» ‘Возможны оба варианта *петоро* и *петеро*, *седморо* и *седмеро*’ (@Aleks_aSavic)— То можда у РС ‘Это возможно в РС’ (@PartizanusV).

4.3. Глагол *спасити* ‘спасти’

Среди морфологических особенностей сербского языка в РС можно упомянуть вариативность глаголов *спасити* / *спасити* ‘спасти’²³. Для Сербии характерна первая форма, хотя все чаще можно услышать и вторую, которая распространилась из западных говоров и доминирует в Баня-Луке, что подтверждает проанализированный материал (см. [Дешић 1976: 263; Петровић 1978: 120, 122]):

- (48) да виде гдје су им дјеца, да *спашавају* дјецу ‘чтобы они увидели, где их дети, чтобы спасали детей’;
 немамо моћ да *спасимо* наш град ‘у нас нет сил спасти наш город’;
 мене је само *спасио* поглед на све то ‘меня спас только взгляд на все это’.

4.4. Образование существительных женского рода со значением профессии

Заслуживают внимания несколько существительных женского рода, обозначающих профессию. В Баня-Луке последовательно

²³ Глагол *спасити* имеет следующие формы: *спасем* (настоящее время, 1 лицо ед. ч.), *спасао сам* (перфект, 1 лицо ед. ч., м р.), *спасен* (страдательное причастие), *спасавати* (несовершенный вид); а глагол *спасити* — *спасим*, *спасио сам*, *спашен*, *спашавати* [Пипер, Клајн 2013: 198]. Глагол *спашавати* отсутствует в словаре СЛЯ, однако его широкое распространение подтверждается нормативной грамматикой [Пипер, Клајн 2013: 198].

употребляются формы: *директорица* ‘директор (о женщине)’, *докторица* ‘доктор (о женщине)’, *професорица* ‘преподавательница’ и т. п. В Сербии они также встречаются (чаще в Нови-Саде), но в целом для Сербии, особенно для Белграда, характерны формы *директорка*, *докторка*, *професорка* и т. п.

Вот что об этом явлении пишут пользователи соцсетей: «Ух колико ми пара уши кад чујем *професорица* / *директорица*, скоро као било шта кад чујем на косовско-ресавском. *Директорка* и *професорка* су ми скроз коректни» (@m4Pk0) ‘Как же мне режет ухо, когда я слышу *професорица* / *директорица*, почти так же, как косовско-ресавский диалект. *Директорка* и *професорка* — вот это правильные формы’; «Е да, мислим да можеш и овде да чујеш *директорица*, али *директорка* ипак звучи више „српски“» (@tafi_roberts) ‘Наверное, и здесь можно услышать *директорица*, но *директорка* звучит более «по-сербски»’; «*Професорка!* *Професорица* је на хрватском или тако нешто» (@_raponska) ‘*Професорка!* *Професорица* — это на хорватском или что-то вроде того’; «Зашто неки причају *професорица* уместо *професорка* и остале мистерије универзума» (@yorgaa_) ‘Почему некоторые говорят *професорица* вместо *професорка* и прочие тайны вселенной’.

Следующие тексты показывают, что формы на *-ка* в Сербии могут противопоставляться формам на *-ица* как формы, используемые при обращении (в звательном падеже): «Једном сам добио 5+ из латинског и *професорица* ме пита: „Небојша, може 3?“ Може, *професорка*, пиши» (@jedanvelikidrmr) ‘Однажды я получил 5+ по латыни и *професорица* меня спрашивает: «Небойша, можно 3?» Можно, *професорка*, пиши’; «Научи да причаш, *професорка*. Не можеш да у исто време будеш угледна *професорица* и користиш улични речник» (@TanjaLove7) ‘Научись говорить, *професорка*. Нельзя быть и уважаемой преподавательницей (*професорица*), и пользоваться уличным словарем’; «Каже *директорица*: „Имам једно лепо изненађење за тебе“. Рекох: „Већ знам, *директорка*, и изненађен сам одавно“» (@MladiFilozof) ‘Говорит наша директор (*директорица*): «У меня для тебя есть сюрприз». А я: «Знаю, *директорка*, я уже давно поражен»’.

4.5. Глаголы *макнути* и *такнути*

Кроме выше перечисленных вариаций внутри литературного языка, назовем и одну яркую субстандартную особенность: вместо форм *макнути* ‘передвинуть’ и *такнути* ‘коснуться’ и их производных в проанализированных материалах часто встречаются формы *макети*, *помакети*, *примакети*, *смакети*, *домакети* и т. п.

Эта особенность также становится предметом обсуждения в соц-сетях: «Да поновимо градиво, инфинитив *истакети* не постоји? *Истакнути*, *истаћи*. Јел тако» (@Snejkicaa) — «Па, опет је у промету, од када се једна екс министарка *истакЕла*» (@dobrila_m) ‘Давайте повторим: инфинитив *истакети* не существует? *Истакнути*, *истаћи*. Разве не так? — Снова употребляется, с тех пор как одна экс-министр *истакЕла*’.

4.6. Глагол *требати*

В завершение этого раздела следует сказать об особенностях употребления в СЛЯ на территории РС глагола *требати*. В отличие от Сербии, где глагол *требати* в сочетании с полнозначным глаголом употребляется в безличной форме, в западной части сербской языковой территории, как показывает проанализированный материал, данный глагол в сочетании с другим глаголом нередко встречается в личной форме (см. [Петровић 1978: 119]):

- (49) *требам* ли нешто *пон^нјет^н* ‘нужно ли мне что-то взять’;
 ти *требаиш* сад *наћ^н* клинца који ће бити образован ‘тебе нужно найти образованного парня’;
 ми *смо* *требал^н* то вече *гледат^н* филм..., он *је* *требо* са нама *гледат^н* филм ‘в тот вечер мы должны были посмотреть фильм (<...> он должен был с нами посмотреть фильм’;
 ви *сте* то *требал^н* *узет^н* ‘вы должны были это взять’, *требају* *се* *наћ^н* пред позориштем ‘они должны встретиться перед театром’.

5. Синтаксический уровень

5.1. Инфинитив

Как известно, в сербском языке инфинитив, вытесняемый балканской конструкцией *да* + настоящее время, или *да*-конструкцией, наиболее устойчив в двух случаях — после модальных и фазовых глаголов: *морам ићи / морам да идем* ‘я должен идти’, *не могу ући / не могу да уђем* ‘не могу войти’, *желим плесати / желим да плешем* ‘хочу танцевать’, *почела је трчати / почела је да трчи* ‘начала бегать’, *престала је јести / престала је да једе* ‘перестала есть’ и т. д.

М. Ивич подчеркивала, что «восточная территория распространения литературного языка ⟨...⟩ в целом считается „дакавской“: на этой территории употребление *да*-конструкции шире, чем на западе, но это не означает, что [на восточной территории] инфинитив исключается» (цит. по [Пипер 2005: 324]). Об этом пишет и И. Клайн: «В качестве дополнения к другим глаголам ⟨...⟩ во многих случаях параллельно и в одном значении могут употребляться и инфинитив, и конструкция *да* + настоящее время», добавляя, что инфинитив чаще встречается в западных областях (цит. по [Пипер 2005: 324]). П. Пипер делает вывод: «Частотность употребления инфинитива возрастает по мере продвижения от восточной к западной части сербского языкового пространства, однако много прекрасных примеров употребления инфинитива можно найти у лучших представителей „белградского стиля“, а позднее в текстах Слободана Йовановича, Милоша Джурича, Радована Самарджича и некоторых других образцовых стилистов» [Пипер 2005: 328].

Сербские лингвисты рекомендуют после модальных глаголов и выражений с модальным значением отдавать предпочтение инфинитиву [Пипер 2005: 325]: *могли сте се јавити* ‘вы могли позвонить’; тако *је морало бити* ‘так должно было быть’; *изволите сести* ‘пожалуйста, садитесь’; *треба телефонирати* ‘нужно позвонить’; *добро би било искористити* ту прилику ‘стоило бы воспользоваться этой возможностью’; *не вреди се бунити* ‘не стоит протестовать’ и т. п.

Ср. несколько примеров из авторов, считающихся образцовыми стилистами:

- (50) Сад је у тами наслућивао... како *ће* то једног дана *морати доћи* и везиру до ушију.
 ‘Он в темноте размышлял о том, ⟨...⟩ как однажды это должно прийти до визиря’ [И. Андрич. «Мост на Дрине»].
- (51) Данас *се* ни у једном књижевном тексту више *не може наћи* реч цакови, сви говоре и пишу *вреће*.
 ‘Сейчас ни в одном литературном тексте нельзя найти слово *цакови* (мешки), все говорят и пишут *вреће*’ [С. Велмар Янкович. «Мина»].
- (52) ⟨...⟩ *није могао* ни *замислити* да *се* скрипава немачка реч... *даде* без зазора *изговорити*.
 ‘⟨...⟩ Он не мог и предположить, что скрипучее немецкое слово можно будет выговорить без стеснения’ [А. Тишма. «Употребление человека»].

Однако в современном разговорном языке Сербии преобладает *да*-конструкция, о чем свидетельствуют примеры из соцсетей: *морам сад да идем да берем* јабуке ‘мне нужно идти собирать яблоки’ (@SambaLjig); *желим да идем да играм* кошарку ‘хочу пойти поиграть в баскетбол’ (@paripovicka00), а также комментарии пользователей о том, что инфинитив — это, по их мнению, «хорватская» особенность²⁴.

В Баня-Луке, напротив, гораздо чаще используется инфинитив, характерный для западных сербских говоров (ср. [Дешић 1976:

²⁴ Широкое распространение *да*-конструкции в восточной части сербской языковой территории является относительно поздним явлением. М. Релич, изучавшая архив одной из старейших сербских семей г. Приштина, который включает документальные материалы конца XIX в. — 50-х гг. XX в. (три документа на турецком языке с переводом на сербский — свидетельства о праве собственности на дом, об использовании земельного участка и разрешение на выращивание винограда, а также другие документы семьи Хаџи Милић), отмечает более частое использование в них инфинитива и редкое употребление *да*-конструкции [Релић 2019: 746, 750].

292–302; Драгичевић 1986: 189–193; Петровић 1973: 173, 1978: 137, 151; Цукут 2021: 128–129].

Например, с модальными глаголами: *не можеш се опуштат* ‘не можешь расслабиться’; *морам опстат* ‘нужно выжить’; *то се не смије поменути* ‘нельзя это упомянуть’; *треба гласат* ‘нужно голосовать’; *жели’о се играт* ‘он хотел поиграть’; *не намјерава се враћат* ‘он не собирается возвращаться’; *покушава* то *ескивират* ‘он пытается этого избежать’; *не зна ни читати ни писати* ‘он не умеет ни читать, ни писать’; с фазовыми глаголами: *почео сам зарађиват, путоват* ‘я начал зарабатывать, путешествовать’; *кренем мало бјежуцкат* ‘я начал потихоньку бежать’; с безличными глаголами: *није лако* то *постићи* ‘нелегко этого достичь’; *било је занимљиво посматрати* то све ‘было интересно наблюдать за этим’; в функции придаточного цели: *идем студират* у Загреб ‘я еду учиться в Загреб’; они *су ишли помагат* једни другима ‘они пошли помогать друг другу’.

Естественно, встречается и *да*-конструкция: *није могао да издржи* тај притисак ‘он не мог выдержать этого давления’; *морали су да изборе* улазак у другу лигу ‘они должны были завоевать право выхода во вторую лигу’; *нису хтјели* основне ствари *да сагледају* ‘они не хотели понять простых вещей’; *желим да живим* за сутра ‘я хочу жить для завтра’; *сви су покушавали да* Бањалуку *одрже* Бањалуком ‘все пытались, чтобы Баня-Лука осталась Баня-Лукой’; *почиње да се распада* ‘начинает распадаться’; онда *су кренули* људи *да траже* куће ‘потом люди пошли искать дома’; ми *смо ишли да спремамо* кревете и *да се* *полако спремамо* за спавање ‘мы пошли стелить постели и готовиться ко сну’.

Упомянем, что согласно рекомендациям хорватских лингвистов, вместо конструкции *да* + настоящее время (которая, как и частица *да ли*²⁵, чаще всего изгоняется как сербизм) следует использовать исключительно инфинитив. Писатель и журналист Анте Томич, упоминая желание одного издателя переиздать произведения Крлежи,

²⁵ Корпусное исследование, однако, показало, что чаще употребляется частица *да ли* (453.662) по сравнению с рекомендованной *је ли* (373 963) [Classla], также ср. данные из другого корпуса: *да ли* (321.174), *је ли* (217.419) [HrWac].

потому что «этот Крлежа много „дадакает“», сообщает, что конструкцию *да* + настоящее время использовали и поэт Тин Уевич (тамо *да путујем* / тамо *да тугујем* ‘туда поехать, там тосковать’, стихотворение *Одлазак* «Отъезд»), писатель Иван Сламниг (*Одлучио сам да се зауставим* и *да се смирим* ‘Я решил остановиться и успокоиться’, первое предложение романа *Боља половина храбрости* «Лучшая половина храбрости») и многие другие [Tomić 2008].

5.2. Футуроид

В восточной части сербской языковой территории широко распространены так называемый футуроид, функционально маркированная форма первого будущего времени с конструкцией *да* + настоящее время, например, *ја ћу да дођем* у суботу ‘я приеду в субботу’; Марко *ће* то *да уради* ‘Марко это сделает’; ми *ћемо да* ти *јавимо* ‘мы тебе позвоним’ и т. д. Эта конструкция не является нормативной: согласно норме сербского языка, первое будущее время образуется от энклитической формы вспомогательного глагола *хт(ј)ети* ‘хотеть’ и инфинитива соответствующего глагола: *ја ћу доћи* у суботу ‘я приеду в субботу’; Марко *ће* то *урадити* ‘Марко это сделает’; ми *ћемо* ти *јавити* ‘мы тебе позвоним’ и т. п. Эти две формы отличаются и в семантическом отношении: отрицательные формы футуроида имеют значение волеизъявления:

- (53) *Нећу* сутра *ићи* на излет ‘Я завтра не поеду на экскурсию’;
Нећу да сутра *идем* на излет ‘Я не хочу завтра ехать на экскурсию’.

С. Танасич подчеркивает, что нужно избегать употребления будущего времени с конструкцией *да* + настоящее время, несмотря на то, что «так говорят и пишут министры и депутаты, премьер-министры и президенты, а возможно, и журналисты» [Танасић 2015]. Ср. следующие примеры из языка журналистов: о томе *ће да се побрине* Европска унија ‘об этом позаботится ЕС’ (НИН); Опоравак *ће* још дуго, дуго *да траје*, споро то иде, али, верујем да *ће све да буде*

у реду ‘восстановление продлится еще долго, очень долго, медленно это идет, но я верю, все будет хорошо’ («Политика»); из языка писателей: Једно време је правио трзаје као да *ће да устане* ‘Он какое-то время делал рывки, как будто собирался встать’ (Д. Ненадич, «Доротей»); Као да *ће да прокључа* ‘Как будто закипит’ (В. Кецманович, «Пушка была горячей»); из языка рок-поэзии: А ја *ћу да невам*, макар и промукло, а ја *ћу да невам*, куд пукло да пукло ‘Я буду петь, пусть и глухо, я буду петь, хоть тресни’; Комшије *ће да* ме *бију* због прегласног рокенрола ‘Соседи меня побьют за громкий рок-н-ролл’ (Рибља чорба); в языке политиков: Њихов статус *ћемо да поправимо* и побољшањем опреме... ‘Мы исправим их положение и совершенствованием оборудования’ (@avusic); нама су потребни људи који *ће* чврсто и тврдо *да чувају* наше државне и националне интересе ‘нам необходимы люди, которые будут твердо охранять наши национальные интересы’ (@avusic) и т. д.²⁶

В отличие от Сербии, в Баня-Луке почти без исключений используется первое будущее время с инфинитивом. Однако в последнее время, в основном в разговорном языке, можно услышать и примеры употребления футуроида: неко *ће да настрада* ‘кто-то пострадает’; он је би’о свјестан да *ћу* ја некад *да одем* из куће ‘он понимал, что я когда-нибудь уйду из дома’; одатле смо схватили да *нећемо* ништа *да видимо* ‘тогда мы поняли, что ничего не увидим’ и т. д.

Складывается впечатление, что это явление распространяется и что вскоре ситуация с употреблением футуроида в Баня-Луке в корне изменится.

²⁶ Л. Бренеселович, сравнивая Закон о судебной процедуре в редакции 2011 г. с вариантом 2004 г., показывает на примерах, как распространение футуроида привело к изменению смысла положений Закона: Суд *неће дозволити* располагања странака која су у супротности са принудним прописима... ‘Суд не разрешит сторонам выдвигать требования, противоречащие принудительным инструкциям’ (2004); Суд *неће да дозволи* располагања странака која су у супротности са принудним прописима... ‘Суд не захочет разрешить сторонам выдвигать требования, противоречащие принудительным инструкциям’ [Бренеселовић 2012: 145].

6. Лексический уровень

Та форма СЛЯ, на которой говорят в РС, содержит довольно много особенностей и на лексическом уровне. К наиболее частотным региональным лексемам можно отнести слова *жельезо* ‘железо’, *здјела* ‘миска’, *кино* ‘кино’, *мрква* ‘морковь’, *пунац* ‘тесть’, *рижа* ‘рис’, *спужва* ‘губка’, *цеста* ‘дорога’, которые практически без исключений употребляются в РС вместо слов, характерных для территории Сербии: *звожђе*, *чинија*, *биоскоп*, *шаргарена*, *таст*, *пиринач*, *сунђер*, *пут*. Если на фонетическом и морфологическом уровне особенности речи образованных жителей Баня-Луки мы признаем субстандартными или, по крайней мере, чертами разговорного языка, то в случае с перечисленными словами мы можем утверждать, что они действительно принадлежат к фонду литературной сербской лексики, что подтверждается их включением в однотомный толковый словарь сербского языка [РСЈ 2018], отражающий, согласно предисловию к этому словарю, богатство лексики СЛЯ [РСЈ 2018: 7]. Тем самым мы можем констатировать факт региональной вариативности лексики в пределах СЛЯ по принципу «восток — запад». Однако не вся стандартная лексика, употребляемая на территории РС, зафиксирована словарем РСЈ, например, *шпинат* ‘шпинат’ и *штрампле* ‘колготы’ в этом словаре отсутствуют, хотя употребляются образованными сербами в РС очень широко.

Заметить эти особенности, однако, не так просто, потому что в официальном узусе РС наблюдается очевидная ориентация на белградский узус. В СМИ РС региональные лексические особенности очень редки, они обнаруживаются только через поиск конкретных лексем в интернете. Вот, например, текст с новостного портала srpskainfo.com, найденный через поиск слова *рижа* ‘рис’:

- (54) *Smatra se da je mali rizik da će riža znatno poskupjeti, jer su njene količine velike — očekuje se da će u Indiji ovog ljeta biti dobra žetva.* ‘Считается маловероятным, что рис сильно подорожает, потому что запасы риса достаточно велики. Согласно прогнозам,

в Индии в этом году ожидается хороший урожай’ [<https://srpskainfo.com/proizvodnja-sve-skuplja-sljedeca-namirnica-ko-ja-bi-u-svijetu-mogla-poskupjeti-je-riza/>].

Также и в речи образованных сербов в официальной обстановке будет присутствовать тенденция к автокоррекции в пользу восточной нормы. Результаты проведенного анкетирования [Якушкина, Црняк 2023, 2024] показали, что люди, эмигрировавшие из Боснии и давно проживающие за ее пределами, используют больше слов западного типа, чем их сограждане, не менявшие место жительства, что свидетельствует о постепенном приближении боснийско-герцеговинского узуса к белградскому. С точки зрения многих информантов, некоторые региональные слова употребляются только в семейном кругу.

Помимо неофициальной устной речи, региональную лексику можно единично встретить в неофициальных письменных текстах.

- (55) Ukupno gledano, Banja Luka i Bosna nude jedinstveno i autentično iskustvo putovanja koje će zasigurno ostaviti trajni **dojam**.
‘В целом, Баня-Лука и Босния могут предложить уникальные и оригинальные маршруты путешествий, которые обязательно произведут на вас сильное впечатление’ [<https://banjalukatravel.com/sr/cesto-postavljanja-pitanja-o-banja-luci/>].

Всего удалось выявить около 200 региональных лексем, соответствующих общесербским дублетам [Якушкина, Црняк 2023], но, конечно, можно предположить, что их число больше. Приведем некоторые: *локва* ‘лужа’, *мјехур* ‘мочевой пузырь’, *кино* ‘кино’, *махуне* ‘стручковая фасоль’, *жохар* ‘таракан’, *зрак* ‘воздух’, *вањски* ‘внешний’, *вани* ‘снаружи’, *кувача* ‘поварешка’, *хреновка* ‘сосиска’, *заручити* ‘помолвиться’, *плин* ‘газ’, *жельезо* ‘железо’, *грипа* ‘грипп’, *прса* ‘грудь’, *маћунице* ‘анютины глазки’, *цура* ‘девушка’, *докторица* ‘доктор (о женщине)’, *домаћа задаћа* ‘домашнее задание’, *марелица* ‘абрикос’, *колегица* ‘колlega (о женщине)’, *кухати* ‘варить’, *кухар* ‘повар’, *тулипан* ‘тюльпан’, *наушница* ‘серьга’, *копар* ‘укроп’, *тлакомјер* ‘тонометр’, *неодгојен* ‘невоспитанный’, *кајданка* ‘нотная

тетрадь', *испричиница* 'записка родителей с просьбой отпустить ребенка с уроков', *врхње* 'сливки', *хлаче* 'брюки', *гра(х)* 'фасоль', *ручник* 'полотенце', *тржница* 'рынок', *посудити* 'взять / дать взаймы', *наранца* 'апельсин', *порцулански* 'фарфоровый', *сластичарна* 'кондитерская', *футрован* 'на подкладке', *равно* 'прямо', *израчитити* 'проветрить', *постотак* 'процент', *лећа* 'чечевица', *шпинат* 'шпинат', *стубишите* 'лестница', *студентница* 'студентка', *грожеђице* 'изюм', *служва* 'губка', *пунац* 'тесть', *текућина* 'жидкость', *тава* 'сковорода', *трокут* 'треугольник', *дека* 'одеяло', *угристи* 'укусить', *дојам* 'впечатление', *крух* 'хлеб', *цикла* 'свекла', *вјешалица* 'вешалка', *зђејла* 'миска', *врећа* 'мешок' и др. Список выявленных различий делится по крайней мере на две группы: лексика, которая характерна для сербских говоров на территории Боснии и Герцеговины (причем некоторые из этих слов, такие как *мрква* и *жельезо*, были характерны для сербских говоров испокон веков, а восточными говорами они были утрачены), и лексика, которая попала в речь сербов в Боснии и Герцеговине книжным путем вследствие влияния литературного языка на территории Хорватии: *судјеловати*, *постотак*, *дојам*, *текућина* и т. д. Соответственно, чем более укоренена лексика в народных говорах, тем более широко она употребляется. Ср. следующий текст с портала РС «Nezavisne novine»:

(56) Banjalučka **tržnica**: Najviše poskupjela **mrkva**, kiša uništila **grah** i krompir.

'Рынок в Баня-Луке: больше всего подорожала морковь, дожди уничтожили фасоль и картофель' [<https://www.nezavisne.com/novosti/banjaluka/Banjalucka-trznica-Najvise-poskupjela-mrkva-kisa-unistila-grah-i-krompir/777225>].

С целью выяснения частотности употребления в речи жителей РС региональных лексем было проведено анкетирование сорока образованных носителей сербского языка с заданием вписать в предложение пропущенное слово, подходящее по смыслу (подробно об анкетировании и его результатах см. [Якушкина, Црняк 2023, 2024]). В абсолютном большинстве случаев, может быть, только кроме слова *професорица* и еще пары слов, мнения информантов разделялись, кто-то

выбирал региональную, то есть западную лексему, а кто-то восточную, то есть ту, которая используется на территории Сербии. Это говорит о том, что нормой РС в современной ситуации является дублетность, то есть можно сказать *пијаца / тржница* ‘рынок’, *панталоне / хлаче* ‘брюки’, *неваспитан / неодгојен* ‘невоспитанный’, *колегиница / колегица* ‘коллега (о женщине)’, *срећан / сретан* ‘счастливый’, *грип / грипа* ‘грипп’ и т. д. Критерии, которые регулируют использование той или иной лексики, выявить не удалось. В словарном фонде одного и того же информанта могут причудливо соединяться западные и восточные лексемы. Это говорит о том, что сербы в РС — носители двух лексических норм и им самим подчас сложно определиться с выбором лексики, поэтому многие ответы приводились через слеш: *изнајмљујем / издајем* ‘сдаю’, *студенткиња / студентица* ‘студентка’, *вани / напољу* ‘снаружи’, *право / равно* ‘прямо’, *кувар / кувар* ‘повар’ и т. д. Как и фонетические черты, некоторые региональные лексемы носят субстандартный характер и недаром маркируются самими жителями РС как слова, употребляемые в кругу семьи (например, *кру(х)* ‘хлеб’, *пухати* ‘дуть’). Одна из причин смешения лексических норм заключается в миграциях населения. Меняя место жительства (в том числе в результате социальных катаклизмов или при поступлении в учебные заведения или на работу), носители одной лексической нормы приобретают черты другой нормы. Так, один из информантов рассказывает, что перестал употреблять привычное для него слово *хлаче* ‘брюки’ и перешел на слово *панталоне*, когда временно переехал на учебу в Нови-Сад. Там же он привык употреблять слово *боранија* ‘стручковая фасоль’, которое до того ему казалось смешным, причем, впоследствии вернувшись из Нови-Сада в Бая-Луку и прожив в ней многие годы, он до сих пор использует это слово, хотя до учебы употреблял слово *ма(х)уне*. С другой стороны, информант, который переехал в Бая-Луку из Черногории, под местным влиянием перешел на слово *махуне*, отказавшись от родного для него слова *боранија*.

В употреблении дублетов можно, однако, проследить географическую закономерность: в западных областях РС региональные лексемы употребляются чаще, чем в восточных (подробный анализ

материала см. в [Якушкина, Црняк 2023]). Вот как это явление описывается участниками форума www.ringeraja.rs:

(57) — Я живу в Баня-Луке, и фактически здесь ситуация такая, что говорят *кава* вместо *кафа*, часто можно услышать и *крух*, кроме того, здесь много смотрят хорватское телевидение, потому что оно лучше своего и людям трудно избавиться от повседневных слов. Говорят *грах*, *махуна*, *тава*, *кувача*, *кухати*... и никто не старается это менять.

— Да, я и предполагала, что ты из Баня-Луки, и уверена, что ты говоришь правду, потому что Баня-Лука находится относительно близко от Хорватии. Я езжу в Фочу, в которой живет наибольший процент сербского населения по сравнению со всеми городами РС, а много родни и друзей у нас в Требине, Гацко, Билечи, и там то же самое, что касается языка. Предпочтение отдается сербским словам вроде *кафа* и в парах *пасуль* — *грах*, *шаргарена* — *мрква*. Все-таки эта часть Боснии ближе к Сербии и Черногории, что касается языка... Но говорят и то, и другое. Мой ребенок говорит то *мрква*, то *шаргарена*.

— Мой ребенок говорит *грах*, потому что дома он ест *пасуль*, а в детском саду *грах*. Здесь давно так говорят, потому что до войны здесь жили не только сербы [https://www.ringeraja.rs/forum/m_113685/mpage_13/key_/tm.htm].

7. Заключение

СЛЯ в РС, очевидно, более архаичен, чем язык в Сербии, лучше сохраняя черты, которые на предыдущих этапах развития были свойственны и говорам на территории Сербии. Эту его особенность отражают просодия, употребление инфинитива и некоторых славянских лексем. Архаичности литературного языка (равно как и народных

говоров) в РС противостоит интенсивная балканизация литературного языка в Сербии, в которой под влиянием призренско-тимокских говоров разрушается четырехакцентная система ударений, утрачиваются заударные долготы, меняются правила дистрибуции ударений, что фактически приводит к распространению экспираторного ударения [Петровић, Гудурић 2010: 375, 380], и вместо инфинитива распространяется *da*-конструкция (в отличие от просодических и синтаксических изменений, процесс вытеснения исконной славянской лексики лексическими балканизмами относится к прошлому и на данный момент не является актуальным).

Естественно, что перечисленные архаические особенности СЛЯ на территории РС в свою очередь поддерживаются влиянием местных западносербских народных говоров, которым эти особенности свойственны. Кроме этих черт, литературный сербский язык в РС содержит и другие черты диалектного западносербского происхождения (образование собирательных числительных с суффиксом *-ero* и лексические регионализмы), кодифицированные нормативной грамматикой и лексикографией. Помимо отдельных черт своеобразия местной нормы, литературный язык в РС испытывает сильнейшее диалектное влияние на фонетическом уровне, прежде всего, в редукции гласных, которая хотя и не является нормативной, но свойственна речи даже наиболее образованных носителей нормы. Помимо диалектной фонетики в литературной речи жителей РС активно используются лексические диалектизмы, особенно в семейном общении. Это явление позволяет говорить о размытости границы между языковыми кодами, которыми пользуются жители РС, являющиеся одновременно носителями литературной нормы и диалекта, и о трудности фиксации смены кода, вследствие большой близости западносербских говоров к литературному языку.

В восприятии жителей Сербии речь сербов в РС сильно маркирована. Связь литературного сербского языка на территории РС с западными сербскими говорами и лексическое влияние на него со стороны литературного языка на территории Хорватии среди жителей восточной части сербской языковой территории нередко оценивается

как чуждое или неправильное вследствие отличий западносербских особенностей от их собственной речи.

Список условных сокращений

Вин. — винительный падеж; ед. ч. — единственное число; ж. р. — женский род; им. — именительный падеж; мест. — местоимение; мн. ч. — множественное число; м. р. — мужской род; род. — родительный падеж; ср. р. — средний род; сущ. — имя существительное; тв. — творительный падеж.

Литература

- Бошњаковић 2007 — Ж. Бошњаковић. Преношење акцената у говору неких јавних медија // Зборник Матице српске за филологију и лингвистику. 2007. Бр. L. С. 81–93.
- Брборић 2000 — Б. Брборић. С језика на језик. Београд: Јанус, 2000. Интернет-издање. Електронни ресурс. URL: <https://www.rastko.rs/filologija/bbrboric-jezik/index.html> (дата обраћања: 15.08.2023).
- Бренеселовић 2012 — Л. Бренеселовић. Цртица о инфинитиву и аналитичкој конструкцији у језику наших закона — поводом оправдане критике професорке В. Ракић-Водинелић // Правни записи. 2012. Бр. III/1. С. 139–147.
- Гудков 1965 — В. П. Гудков. О вариантах сербскохорватског језика // Советское славяноведение. 1965. № 3. С. 52–59.
- Дешић 1976 — М. Дешић. Западнобосански ијекавски говори // Српски дијалектолошки зборник. 1976. Бр. XXI. С. 1–316 + карте.
- Драгин 2005 — Г. Драгин. Прозодијске особине говора спикера (новинара) РТВ Нови Сад // Зборник Матице српске за филологију и лингвистику. 2005. Бр. XLVIII. № 1–2. С. 277–282.
- Драгичевић 1986 — М. Драгичевић. Говор личких јекаваца // Српски дијалектолошки зборник. 1986. Бр. XXXII. С. 7–241.
- Драгичевић 2001 — М. Драгичевић. Најзападнији српски говори данас // Зборник за српски језик, књижевност и умјетност. 2001. Бр. I. С. 79–89.
- Драгичевић 2012 — М. Драгичевић. О вернакуларној бази српског књижевног језика и о проблемима њене надоградње // С. Реметић (приред.). Језик и писмо у Републици Српској. Бања Лука: Академија наука и умјетности Републике Српске, 2012. С. 223–230.

- Ивић 2009 — П. Ивић. Српски дијалекти и њихова класификација. Сремски Карловци, Нови Сад: Издавачка књижевница Зорана Стојановића, 2009.
- Козомара 2016 — Д. Козомара. Фонетске и морфолошке особине српских по-савских говора између Врбаса и Украине // Српски дијалектолошки зборник. 2016. Бр. LXIII. С. 579–733.
- Николић 1991 — М. Николић. Говори србијанског Полимља // Српски дијалектолошки зборник. 1991. Бр. XXXVII. С. 1–548.
- Окука 2012 — М. Окука. Језик у Босни и Херцеговини — један, два или...? // С. Реметић (приред.). Језик и писмо у Републици Српској. Бања Лука: Академија наука и умјетности Републике Српске, 2012. С. 93–104.
- Петровић — Д. Петровић. Вук и српски језички поломи. Електронни ресурс. URL: <https://izmedjusnajave.rs/вук-и-српски-језички-поломи/> (дата обрачења: 15.08.2023).
- Петровић 1973 — Д. Петровић. Говор Баније и Кордуна. Нови Сад; Загреб: Матица српска; Просвјета, 1978.
- Петровић 1978 — Д. Петровић. О говору Змијања. Нови Сад: Матица српска, 1978.
- Петровић, Гудурић 2010 — Д. Петровић, С. Гудурић. Фонологија српског језика. Београд: Институт за српски језик САНУ; Београдска књига; Матица српска, 2010.
- Пипер 2005 — П. Пипер. Прилози граматици српског језика. Синтакса савременог српског језика. Проста реченица. Београд; Нови Сад: Институт за српски језик САНУ; Београдска књига; Матица српска, 2005.
- Пипер, Клајн 2013 — П. Пипер, И. Клајн. Нормативна граматика српског језика. Нови Сад: Матица српска, 2013.
- Рељић 2019 — М. Рељић. О уништеном писаном наслеђу на Косову и Метохији (на примеру сачуваног дела једне породичне архиве) // Наш језик. 2019. Књ. 50. Св. 2. С. 747–754.
- Реметич 2000 — С. Реметич. Актуална језикова ситуација на сербској језиковој територији // U. Hinrichs, U. Büttner (Red). Die Südosteuropa-Wissenschaften im neuen Jahrhundert. Wiesbaden: Harrassowitz Verlag, 2000. С. 209–217.
- РСЈ 2018 — Речник српског језика / Ур. М. Николић. Нови Сад: Матица српска, 2018.
- Симић 1995 — Р. Симић. Лингвистички статус разговорног језика, одн. колорквизалног стила // М. Ковачевић, Б. Ђорић, Р. Симић. Стилистички аспекти проучавања српског језика. Научни састанак слависта у Вукове дане, 23/2. Београд: Међународни славистички центар, 1995. С. 5–17.
- Симић, Јовановић 2002 — Р. Симић, Ј. Јовановић. Основи теорије функционалних стилова. (Мала лингвистичка библиотека. Књ. 5). Београд: Филолошки факултет; Научно друштво за неговање и проучавање српског језика, 2002.
- Српски језик у нормативном огледалу 2006 — Б. Брборић. Српски језик у нормативном огледалу. Београд: Београдска књига, 2006.

- Танасић 2015 — С. Танасић. Јесте да смо на Балкану, али имамо и своје // Политика, 01.12.2015. Електронни ресурс. URL: <https://www.politika.rs/scc/clanak/344429> (дата обраћања: 10.09.2023).
- Телебак 2004 — М. Телебак. Практични језички савјетник. Српско Сарајево: Завод за уџбенике и наставна средства, 2004.
- Толстой 1988 — Н. И. Толстой. История и структура славянских литературных языков. М.: Наука, 1988.
- Цукут 2021 — С. Цукут. Српски говори Шипова // Српски дијалектолошки зборник. 2021. Бр. LXVIII. С. 1–158.
- Чернышева 2015 — М. А. Чернышева. Региональные варианты французского языка в контексте современного франкофонного пространства: состояние и перспективы исследований // Наука ЮУрГУ: материалы 68-й научной конференции Секции социально-гуманитарных наук. Челябинск: Издательский центр ЮУрГУ, 2016. С. 839–842.
- Языковая ситуация 2015 — Н. Н. Трошина. Языковая ситуация в Европе начала XXI в. М.: ИНИОН РАН, 2015.
- Якушкина, Црњак 2023 — Е. И. Якушкина, Д. Црњак. Лексическое варьирование в речи носителей литературного языка на территории Республики Сербской // Филолог. 2023. Бр. 28. С. 119–134. DOI: 10.21618/fil2328119j.
- Якушкина, Црњак 2024 — Е. И. Якушкина, Д. Црњак. Лексическое своеобразие речи жителей г. Бая-Лука (Республика Сербская, Босния и Герцеговина) и его представление в лексикографии // Славяноведение. 2024. № 2. С. 78–91.
- Bergmann 2006 — P. Bergmann. Regional variation in intonation. Nuclear rising-falling contours in Cologne German // F. L. Hinskens (ed.). Language Variation — European Perspectives: Selected papers from the Third International Conference on Language Variation in Europe (ICLaVE 3), Amsterdam, June 2005. Amsterdam: John Benjamins Publishing Company, 2006. P. 23–36.
- ICLaVE 12 — Conference on Language Variation in Europe. University of Vienna. July 9–11, 2024. Programme. Электронный ресурс. URL: <https://iclave12.dioe.at/programme/schedule/> (дата обраћања: 15.07.2024).
- Katnić Bakaršić 2001 — М. Катњић Бакаршић. Stilistika. Sarajevo: Ljiljan, 2001.
- Kehrein 2006 — R. Kehrein. Regional accent in the German language area. How dialectally do German police answer emergency calls? // F. L. Hinskens (ed.). Language Variation — European Perspectives: Selected papers from the Third International Conference on Language Variation in Europe (ICLaVE 3), Amsterdam, June 2005. Amsterdam: John Benjamins Publishing Company, 2006. P. 83–96.
- Kontra et al. 2023 — М. Kontra, М. Sloboda, J. Nekvapil, A. Kielkiewicz-Janowiak. Sociolinguistics in East Central Europe // M. J. Ball, R. Mesthrie, C. Meluzzi

- (eds.). *The Routledge Handbook of Sociolinguistics Around the World*. London: Taylor and Francis Group, 2023. P. 576–597.
- Language Variation — M. J. Ball, R. Mesthrie, Ch. Meluzzi (eds.). *European Perspectives VII — Language Variation — European Perspectives VII*. Amsterdam: John Benjamins, 2019.
- Leeman 2009 — A. Leeman. Intonational variation in Swiss German // S. Tsiplakou, M. Karyolemu, P. Pavlou (eds.). *European perspectives II: Selected papers from the 4th International Conference on Language Variation in Europe (ICLaVE 4)*, Nicosia, June 2007. Amsterdam: John Benjamins Publishing Company, 2009. P. 135–144.
- Morphological and Syntactic Variation 2024 — *Morphological and Syntactic Variation Across the DACH(L) Borders — Similarities and Differences*. Abstract. Электронный ресурс. URL: <https://pretalx.dioe.at/iclave12/talk/review/SWSN-VGWYVBZMD7MXWDYRUQ98RUEGJCFW> (дата обращения: 15.07.2024).
- Nekvapil 2008 — J. Nekvapil. Language Cultivation in Developed Contexts // B. Spolsky, F. M. Hult (eds.). *The Handbook of Educational Linguistics*. Hoboken: Wiley-Blackwell, 2008. P. 251–265.
- Tomić 2008 — A. Tomić. Gabriel Garcia Karlobag Karlovac Virovitica Marquez // Blog Beta, 21.09.2008. Электронный ресурс. URL: <https://blog.dnevnik.hr/print/id/1625387533/ante-tomicgabriel-garcia-karlobag-karlovac-virovitica-marquez.html?page=print&id=1625387533> (дата обращения: 15.09.2023).

Источники

- Друштвена историја Бањалуке — Друштвена историја Бањалуке (Интервјуи). Электронный ресурс. URL: <https://drustvenaistorijabl.info/intervjui/> (дата обращения: 20.08.2023).
- Classla — CLASSLA web corpora of Croatian. Электронный ресурс. URL: http://www.clarin.si/ske/#dashboard?corpname=classlaweb_hr (дата обращения: 30.08.2023).
- HrWac — Croation corpus from the Web. Электронный ресурс. URL: <https://www.clarin.si/ske/#dashboard?corpname=hrwac> (дата обращения: 30.08.2023).

References

- Bergmann 2006 — P. Bergmann. Regional variation in intonation. Nuclear rising-falling contours in Cologne German. F. L. Hinskens (ed.). *Language Variation — European Perspectives: Selected papers from the Third International*

- Conference on Language Variation in Europe (ICLaVE 3), Amsterdam, June 2005*. Amsterdam: John Benjamins Publishing Company, 2006. P. 23–36.
- Bošnjaković 2007 — Ž. Bošnjaković. Prenošenje akcenata u govoru nekih javnih medija [Transferring accents in the speech of the media]. *Zbornik Matice srpske za filologiju i lingvistiku*. 2007. Vol. L. P. 81–93.
- Brborić 2000 — B. Brborić. *S jezika na jezik* [From language to language]. Available at: <https://www.rastko.rs/filologija/bbrboric-jezik/index.html> (accessed on 15.08.2023)
- Breneselović 2012 — L. Breneselović. Crtica o infinitivu i analitičkoj konstrukciji u jeziku naših zakona — povodom opravdane kritike profesorke V. Rakić-Vodinić [A note about the infinitive and analytical construction in the language of our laws: on the occasion of the criticism of Professor V. Rakić-Vodinić]. *Pravni zapisi*. 2012. Vol. III/1. P. 139–147.
- Chernysheva 2015 — M. A. Chernysheva. Regionalnyye varianty frantsuzskogo yazyka v kontekste sovremennogo frankofonnogo prostranstva: sostoyaniye i perspektivy issledovaniy [Regional varieties of the French language in the context of the contemporary Francophone space: Status and prospects of research]. *Nauka IUURGU: materialy 68 nauchnoy konferentsii Sektsii sotsialno-gumanitarnykh nauk* [Science of SUSU: Proceedings of the 68th scientific conference of the Section of Social and Humanitarian Sciences]. Chelyabinsk: SUSU, 2016. P. 839–842.
- Cukut 2021 — S. Cukut. Srpski govori Šipova [Serbian dialects of Shipovo]. *Srpski dijalektološki zbornik*. 2021. Vol. LXVIII. P. 1–158.
- Dešić 1976 — M. Dešić. Zapadnobosanski ijekavski govori [West Bosnian Ijekavian dialects]. *Srpski dijalektološki zbornik*. 1976. Vol. XXI. P. 1–316 + karte.
- Dragičević 1986 — M. Dragičević. *Govor ličkih jekavaca* [Iekavian dialects in Lika]. *Srpski dijalektološki zbornik*. 1986. Vol. XXXII. P. 7–241.
- Dragičević 2001 — M. Dragičević. Najzapadniji srpski govori danas [The western Serbian dialects today]. *Zbornik za srpski jezik, književnost i umjetnost*. Vol. I. P. 79–89.
- Dragičević 2012 — M. Dragičević. O vernakularnoj bazi srpskoga književnog jezika i o problemima njene nadogradnje [On the vernacular base of the Serbian literary language and the problems of its development]. S. Remetić (ed.). *Jezik i pismo u Republici Srpskoj* [Language and alphabet in the Republic of Srpska]. Banja-Luka: Academy of Sciences and Arts of the Republic of Srpska, 2012. P. 223–230.
- Dragin 2005 — G. Dragin. Prozodijske osobine govora spikera (novinara) RTV Novi Sad [Prosodic features of the speech of announcers (journalists) of RTV Novi Sad]. *Zbornik Matice srpske za filologiju i lingvistiku*. 2005. Vol. XLVIII. Iss. 1–2. P. 277–282.

- Gudkov 1965 — V. P. Gudkov. O variantax serbsko-khorvatskogoazyka [On the variants of the Serbo-Croatian language]. *Sovetskoe slavyanovedenie*. 1965. № 3. P. 52–59.
- ICLAVE 12 — *Conference on Language Variation in Europe. University of Vienna. July 9–11, 2024. Programme*. Available at: <https://iclave12.dioe.at/programme/schedule/> (accessed on 15.07.2024).
- Ivić 2009 — P. Ivić. *Srpski dijalekti i njihova klasifikacija* [Serbian dialects and their classification]. Sremski Karlovc; Novi Sad: Izdavačka knjižarnica Zorana Stojanovića, 2009.
- Katnić Bakaršić 2001 — M. Katnić Bakaršić. *Stilistika*. Sarajevo: Ljiljan, 2001.
- Kehrein 2006 — R. Kehrein. Regional accent in the German language area. How dialectally do German police answer emergency calls? F. L. Hinskens (ed.). *Language Variation — European Perspectives: Selected papers from the Third International Conference on Language Variation in Europe (ICLaVE 3), Amsterdam, June 2005*. Amsterdam: John Benjamins Publishing Company, 2006. P. 83–96.
- Kontra et al. 2023 — M. Kontra, M. Sloboda, J. Nekvapil, A. Kielkiewicz-Janowiak. Sociolinguistics in East Central Europe. M. J. Ball, R. Mesthrie, C. Meluzzi (eds.). *The Routledge Handbook of Sociolinguistics Around the World*. London: Taylor and Francies Group, 2023. P. 576–597.
- Kozomara 2016 — D. Kozomara. Fonetske i morfološke osobine srpskih posavskih govora između Vrbasa i Ukriane [Phonetic and morphological characteristics of the Serbian Posavina dialects between Vrbas and Ukrina]. *Srpski dijalektološki zbornik*. 2016. Vol. LXIII. P. 579–733.
- Language Variation — M. J. Ball, R. Mesthrie, Ch. Meluzzi (eds.). *European Perspectives VII — Language Variation — European Perspectives VII*. Amsterdam: John Benjamins, 2019.
- Leeman 2009 — A. Leeman. Intonational variation in Swiss German. S. Tsiplakou, M. Karyolemou, P. Pavlou (eds.). *European perspectives II: Selected papers from the 4th International Conference on Language Variation in Europe (ICLaVE 4), Nicosia, June 2007*. Amsterdam: John Benjamins Publishing Company, 2009. P. 135–144.
- Morphological and Syntactic Variation 2024 — *Morphological and Syntactic Variation Across the DACH(L) Borders — Similarities and Differences. Abstract*. Available at: <https://pretalx.dioe.at/iclave12/talk/review/SWSNVGWYVBZMD7MX-WDYRUQ98RUEGJCFW> (accessed on 15.07.2024).
- Nekvapil 2008 — J. Nekvapil. Language Cultivation in Developed Contexts. B. Spolsky, F. M. Hult (eds.). *The Handbook of Educational Linguistics*. Hoboken: Wiley-Blackwell, 2008. P. 251–265.
- Nikolić 1991 — M. Nikolić. Govori srbijanskog Polimlja [Dialects of Serbian Polimlje]. *Srpski dijalektološki zbornik*. 1991. Vol. XXXVII. P. 1–548.

- Okuka 2012 — M. Okuka. Jezik u Bosni i Hercegovini — jedan, dva ili...? [Language in Bosnia and Herzegovina — one, two or...?]. S. Remetić (ed.). *Jezik i pismo u Republici Srpskoj* [Language and script in the Republic of Srpska]. Banja Luka: Academy of Sciences of Republic of Srpska, 2012. P. 93–104.
- Petrović 1973 — D. Petrović. *Govor Banije i Korduna* [Speech of Banija and Kordun]. Novi Sad; Zagreb: Matica srpska; Prosvjeta, 1978.
- Petrović 1978. — D. Petrović. *O govoru Zmijanja* [The speech of Zmijanje]. Novi Sad: Matica srpska, 1973.
- Petrović — D. Petrović. *Vuk i srpski jezički polomi* [Vuk and Serbian language breaks]. Available at: <https://izmedjusnajjave.rs/вук-и-српски-језички-поломи> (accessed on 15.08.2023).
- Petrović, Gudurić 2010 — D. Petrović, S. Gudurić. *Fonologija srpskoga jezika* [Phonology of the Serbian language]. Belgrade: Institute for Serbian Language SANU; Beogradska knjiga; Matica srpska, 2010.
- Piper 2005 — P. Piper. *Prilozi gramatici srpskoga jezika. Sintaksa savremenoga srpskog jezika. Prosta rečenica* [Contributions to the grammar of the Serbian language. Syntax of the modern Serbian language. A simple sentence]. Belgrade; Novi Sad: Institute for Serbian Language SANU, Beogradska knjiga; Matica srpska, 2005.
- Piper, Klajn 2013 — P. Piper, I. Klajn. *Normativna gramatika srpskog jezika* [Normative grammar of the Serbian language]. Novi Sad: Matica srpska, 2013.
- Reljić 2019 — M. Reljić. O uništenom pisanom nasleđu na Kosovu i Metohiji (na primeru sačuvanog dela jedne porodične arhive) [About the damaged written heritage in Kosovo and Metohija (on the example of a preserved part of a family archive)]. *Naš jezik*. 2019. Knj. 50. Sv. 2. P. 747–754.
- Remetich 2000 — S. Remetich. Aktualnaya yazykovaya situatsiya na serbskoy yazykovoy territorii [Current language situation in the Serbian language area]. U. Hinrichs, U. Büttner (eds.). *Die Südosteuropa-Wissenschaften im neuen Jahrhundert*. Wiesbaden: Harrassowitz Verlag, 2000. P. 209–217.
- RSJ 2018 — M. Nicolici (ed.). *Rečnik srpskog jezika* [Dictionary of the Serbian language]. Novi Sad: Matica Srpska, 2018.
- Simić 1995 — R. Simić. Lingvistički status razgovornog jezika, odn. kolokvijalnog stila [Linguistic status of colloquial language, or of the colloquial style]. M. Kovačević, B. Ćorić, R. Simić (eds.). *Stilistički aspekti proučavanja srpskog jezika. Naučni sastanak slavista u Vukove dane, 23/2* [Stylistic aspects of the study of the Serbian language. Scientific Meeting of Slavists in the days of Vuk, 23/2]. Belgrade: International Slavic Center, 1995. P. 5–17.
- Simić, Jovanović 2002 — R. Simić, J. Jovanović. *Osnovi teorije funkcionalnih stilova* [Basics of the theory of functional styles]. (Mala lingvistička biblioteka. Vol. 5).

- Belgrade: Faculty of Philology; Academic society for nurturing and studying the Serbian language, 2002.
- Srpski jezik u normativnom ogledalu 2006 — В. Brborić (ed.). *Srpski jezik u normativnom ogledalu* [The Serbian language in the normative mirror]. Belgrade: Beogradska knjiga, 2006.
- Tanasić 2015 — S. Tanasić. Jeste da smo na Balkanu, ali imamo i svoje [Yes, we are in the Balkans, but we also have our own]. *Politika*, 01.12.2015. Available at: <https://www.politika.rs/scc/clanak/344429> (accessed on 10.09.2023).
- Telebak 2004 — М. Telebak. *Praktični jezički savjetnik* [Practical language consultant]. Serbian Sarajevo: Institute for textbooks and teaching aids, 2004.
- Tolstoj 1988 — N. I. Tolstoj. *Istoriya i struktura slavyanskikh literaturnykh yazykov* [History and structure of Slavic literary languages]. Moscow: Nauka, 1988.
- Tomić 2008 — A. Tomić. Gabriel Garcia Karlobag Karlovac Virovitica Marquez. Blog Beta, 21.09.2008. Available at: <https://blog.dnevnik.hr/print/id/1625387533/ante-tomicgabriel-garcia-karlobag-karlovac-virovitica-marquez.html?page=print&id=1625387533> (accessed on 15.09.2023).
- Yakushkina, Crnjak 2023 — E. I. Yakushkina, D. Crnjak. Leksicheskoe varyirovaniye v rechi nositeley literaturnogo yazyka na territorii Respubliki Serbskoy [Lexical variation in the speech of native speakers of Standard Serbian in Republic of Srpska]. *Filologist*. 2023. № 28. P. 119–134.
- Yakushkina, Crnjak 2024 — E. I. Yakushkina, D. Crnjak. Leksicheskoye svoyeobrazie rechi zhiteley g. Banya-Luka (Respublika Serbskaya, Bosniya i Gertsegovina) i yego predstavleniye v leksikografii [The lexical peculiarities of the speech of Banya Luka residents (Republic of Srpska, Bosnia and Herzegovina) and their representation in lexicography]. *Slavianovedeniye*. 2024. № 2. P. 78–91.
- Yazykovaya situatsiya 2015 — N. N. Troshina (ed.). *Yazykovaya situatsiya v Evrope nachala XXI v.* [The language situation in Europe at the beginning of the 21st century]. Moscow: Institute of Scientific Information for Social Sciences (INION) of the Russian Academy of Sciences, 2015.